

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

ИЛЬЯ ВАРШАВСКИЙ

**ЭЛЕКТРОННАЯ
СОВЕСТЬ**

Иерусалим
2011

Илья Варшавский

Электронная совесть (сборник)

«Млечный путь»

2011

Варшавский И. И.

Электронная совесть (сборник) / И. И. Варшавский — «Млечный путь», 2011

Илья Иосифович Варшавский – классик советской научной фантастики, мастер короткой формы. Его рассказы поражают остротой сюжетов, изобретательностью, литературным мастерством. Станислав Лем говорил о prose И. Варшавского, что в ней уместилась вся западная фантастика. Фантастика И. Варшавского – юмористическая, сатирическая, пародийная, психологическая – наверняка будет интересна современному читателю, еще не знакомому с творчеством замечательного писателя. Знатоки и любители произведений И. Варшавского найдут в предлагаемом сборнике несколько рассказов, которые не были опубликованы при жизни писателя и впервые увидели свет лишь в 2009–10 годах в Интернет-журнале «Млечный Путь».

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ	6
Электронная совесть	6
Странная история	10
Ева	17
Теоретик	21
Трус	23
Ключик	29
Белые жуки	30
ПЕТЛЯ ГИСТЕРЕЗИСА	32
ЛАВКА СНОВИДЕНИЙ	57
Земля не отвечает на позывные	57
Гомункулус	60
СУС	63
Перпетуумobile	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Илья Иосифович Варшавский

Электронная совесть

ОТ АВТОРА

В моей биографии нет ничего такого, что может объяснить – почему на пятьдесят втором году жизни я начал писать научно-фантастические рассказы. Поэтому биографические данные я опускаю. Могу только сообщить, что пишу рассказы, потому что не умею писать повести и романы. Если бы умел, то обязательно писал бы, но тогда пришлось бы объяснять, почему я не пишу рассказы. Как решать научные проблемы – дело ученых. Писателя же должно интересовать, что из всего этого может получиться. Каждый рассказ в этой книге – один из возможных вариантов.

Утверждать, что все будет именно так, как в рассказах, столь же нелепо, как и вообще вести споры относительно правдоподобия фантастических предположений. Как известно, фантазия и достоверность часто не в ладу.

Я заранее прошу прощения у специалистов за вольное обращение с наукой. В той области, где мне приходится работать самому, ничего подобного я себе не позволяю. Такова уж человеческая природа: чужие проблемы всегда кажутся увлекательнее.

Кроме того, никогда не нужно приписывать автору более серьезных намерений, чем те, которыми он руководствовался на самом деле. Право на щутку – одна из незыблемых привилегий фантаста.

Я не верю, что перед человечеством когда-нибудь встанут проблемы, с которыми оно не сможет справиться. Однако мне кажется, что неумеренное стремление все кибернетизировать может породить нелепые ситуации. К счастью, здесь полемику приходится вести не столько с учеными, сколько с собратьями-фантастами. Что ж, такие дискуссии тоже бывают полезными. Думаю, что в этих случаях гротеск вполне уместен, хотя всегда находятся люди, считающие этот метод спора недостаточно корректным.

Вот, пожалуй, и все, если не считать того, что мне очень хочется, чтобы помещенные в этом сборнике рассказы понравились читателям. Но это уже особый вопрос.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Электронная совесть

Я забыл ключ от квартиры, и теперь мне предстояло провести где-то два часа, пока вернется жена. К счастью, стояла отличная погода, и я решил переждать в парке. Как всегда в это время, там было немного народа. Мамаши с колясками, детишки, играющие в классы на дорожках, пенсионеры, прогуливающие собак. Вот и все, если не считать нескольких завсегдатаев, постоянно околачивающихся у пивного ларька.

Я без труда нашел свободную скамейку в тени и приготовился ждать. Мне не знакомо такое понятие, как скука. В трамвае, на прогулке, дома, мой мозг постоянно занят поисками сюжетов, поэтому любое уединение мне только приятно. Во всяком случае, никто не отвлекает.

Я был настолько погружен в свои мысли, что невольно вздрогнул, когда услышал обращенный ко мне вопрос:

– Простите, мое присутствие вам не помешает?

Передо мной стоял человек с интеллигентным лицом, еще не старый, хотя волосы на висках уже поседели, а на темени заметно проступала лысина. Одет он был более чем скромно. Дешевые хлопчатобумажные брюки, давно не утюженные, ковбойка, которую не грех было и выстирать, на ногах запыленные сандалии. Видно, материальные дела его шли не блестяще.

– Пожалуйста, садитесь, – ответил я, послав его мысленно ко всем чертям. У меня только что начала складываться в голове занятная ситуация для рассказа, и соседство постороннего человека никак не способствовало нормальному течению мыслей.

Однако он не сел, а уставился мне в глаза каким-то странным изучающим и в то же время вопрошающим взглядом.

Я не люблю таких штук. Пристальный взгляд постороннего человека обычно выводит меня из равновесия. Чтобы как-то все это прекратить, я спросил:

– Вам кажется, что мы знакомы?

– Нет, нет! – смущенно ответил он. – Просто у меня такая скверная привычка смотреть людям в глаза. Это... знаете ли, осталось с тех пор, когда я имел дело с электронной совестью.

Электронная совесть?! Я уже говорил, что постоянно занят поисками сюжетов. Электронная совесть, такого мне еще в голову не приходило. А ведь, пожалуй, интересная тема. Теперь нужно было его не спугнуть и постараться выведать, что это за электронная совесть.

– Садитесь, садитесь! – сказал я. Он сел.

Некоторое время я колебался, не зная с чего начать разговор, а потом напрямик спросил:

– Вы сказали, электронная совесть. Мне не совсем понятно... Может быть, вы объясните?

– Что ж, охотно! Но, видите ли, придется начать издалека, и я не знаю, не надоест ли вам слушать.

– Что вы! Я весь – внимание!

Он достал из кармана смятую пачку папирос, извлек оттуда окурок и вежливо спросил:

– Не помешает?

– Пожалуйста, курите! К сожалению, я не курящий и не могу вам предложить...

– Не беспокойтесь! – Он с наслаждением сделал несколько затяжек. – Значит, так... Для начала надо дать автобиографическую справку. Без нее всего не понять. Я родился и вырос в интеллигентной семье. Родители были обеспеченными людьми и очень меня баловали. Сами понимаете, единственный сын. Они меня не стесняли в деньгах, и рос я, признаться, изрядным шалопаем. Еще в школе подобралась такая компания. Вечеринки с выпивкой, поездки за город, пикники, в общем, уже к шестнадцати годам я пристрастился к алкоголю. Все же, школу

окончил и поступил в Университет. У меня была тяга к гуманитарным наукам. Все шло как будто хорошо, занятия меня увлекали и пил я совсем немного. Родители по-прежнему во мне души не чаяли, кроме того, была еще и девушка, словом, это – пожалуй, самые счастливые годы моей жизни.

Так шло до третьего курса, пока неожиданно не умер от инфаркта отец. Мы остались вдвоем с матерью. Вскоре у нее обнаружился рак. Прожила она вдовой совсем немного.

С горя я запил. После родителей остались кое-какие вещи. Я продавал, а деньги пропивал. Вся жизнь шла в каком-то угаре. Занятия в Университете забросил. Несколько раз вызывали повесткой в деканат, но я не являлся. В конце концов – исключили.

Пил я в то время, как зверь, а на это нужны деньги. Скоро я все вещи распродал и перебивался случайными заработками. Работал подсобным рабочим в магазинах, грузчиком на складах и, если уж быть совершенно откровенным, стал нечист на руку. А тут еще дружки… Противно даже вспоминать.

Квартира наша превратилась в коммунальную. Мне оставили одну комнату, а остальные заселили.

Я часто являлся домой пьяный, в уборке мест общего пользования участия не принимал, все это естественно вызывало протесты других жильцов.

И вот однажды, вернувшись домой, как говорится, «еле мозжаху», я обнаружил, что потерял ключ от комнаты. Попробовал ломать дверь, не поддается. В общем, улегся спать в коридоре.

И тут меня подобрал один из соседей. Занятный человек, уже в летах, но вечно чем-то увлеченный. Знаете, из тех, кто все может. Телевизор собрать, радиоприемник, починить холодильник и так далее. Работал он в каком-то институте и, кажется, имел отношение к вычислительной технике.

Как сейчас помню, дело было в субботу. Он отвел меня к себе, уложил спать на диване. Утром отпил крепким чаем и начал промывать мозги, стыдно повторить все, что он тогда высказал. Вертелся я, как угорь на сковородке, а под конец он сказал: «Если у тебя, скотины, нет своей совести, так пользуйся хоть электронной».

Я, признаться, не обратил внимания на эти слова, думал, он это так, для вящей убедительности. Да и голова у меня трещала с попойки. В общем, наобещал я ему исправиться, взял взаймы три рубля и отправился, тан сказать, лечить подобнее подобным.

Все же, начал я его как-то стесняться, и если что, то пробирался к себе в комнату без излишнего шума.

Прошло месяца два. Однажды вечером слышу стук в дверь. Открываю – он. «Помогите, – говорит, – внести». Смотрю: какое-то сооружение. Спрашиваю, что это, отвечает: «электронная совесть». «Ну и ну!» – думаю. Однако, помог.

Что вам сказать? Три вечера он мне втолковывал про эту электронную совесть, и только когда я начал ею пользоваться, понял что это за штука. Сейчас постараюсь объяснить.

Есть элементарные нормы человеческого поведения. Их можно свести в краткие правила. Например, десять заповедей. Ничего особенного. «Не убий», «не укради» – такое можно в любом уголовном кодексе найти. Некоторые нарушения по суду не преследуются, но сами понимаете, хвастать такими действиями нормальный человек не станет. В общем-то, многие люди обходятся и этими критериями совести.

Вместе с тем, существуют и этические критерии высшей категории. Такие, что человеку порой и не разобраться. Помните, например, у Достоевского? Можно ли признать самый идеальный мировой порядок, если для его достижения пришлось убить одного-единственного ребенка? Таких проблем есть очень много. Некоторые из них решаются и так и эдак, в зависимости от обстоятельств. Человеческому мозгу порою просто не под силу проанализировать все

возможные последствия серьезного поступка с учетом интересов множества людей, этических факторов и прочее. Такое может только электронно-вычислительная машина.

Так вот, электронная совесть дает возможность, решать этические задачи обеих категорий.

Для первых, типа заповедей, вообще и электроники-то никакой нет. Просто два очень искусно сделанных глаза. Какая-то система подсветки, создающая особый эффект. Где бы в комнате ты не находился, кажется, что они на тебя смотрят.

Вы знаете, не зря древние иконописцы уделяли так много внимания глазам. Человеческие глаза обладают каким-то удивительным свойством. Не даром их называют зеркалом души. Какая разнообразнейшая гамма выражений у этих самых глаз, которые, казалось бы, предназначены только для того, чтобы смотреть. Теперь представьте себе, что вы один в комнате и на вас вопрошающие глядят строгие глаза. Кажется, что они проникают в самую душу. Однако, это – не икона. Религиозный человек всегда хитрит, даже в молитве. «Но не введи нас во искушение, но избави нас от Лукавого». Чувствуете? Тут уже заранее вина перекладывается на кого-то другого. Ввел в искушение, попутал Лукавый. Кроме того, надежда на исповедь. Грехи отпускаются. Как говорится, не согрешишь – не пokaешься, не пokaешься – не простится. Вот если бы на исповеди каялись в еще не совершенных грехах… Да и то, что может полуграмотный поп? Нет, человек должен сам быть своим судьей, суровым и безжалостным! Так вот, эти глаза. Наедине с ними сам себе не совершишь! Казалось бы, нехитрая штука, а сколько мыслей передумашь…

Однако, самое интересное – устройство для решения этических задач высшего порядка. Нечто вроде электронно-вычислительной машины с программой, как для игры в шахматы. Предположим, вы собираетесь совершить какой-то поступок, затрагивающий других людей, и не уверены, к чему все это поведет. Имеется специально составленный талмуд с множеством типовых вопросов. Каждый из них имеет свой индекс в двоичной системе. Нужные индексы вы переносите на картонную карточку такими щипцами, ну знаете, вроде тех, что контролеры в поездах пробивают билеты. Карточку вводите в машину. Через минуту нажимаете рычажок и получаете назад карточку с ответом «да» или «нет», Машина перебрала все возможные варианты последствий, сверила их с этическими нормами, заложенными в программу, и дала совет, действовать или воздержаться.

Повторю, я сразу освоился со всей этой техникой. Признаться, особо сложных моральных проблем передо мной не возникало, хватало вполне и тех глаз, однако из любопытства я провел несколько опытов и с карточками. Тут тоже все получалось здорово.

Так прошло около месяца. Если бы вы знали, сколько я передумал за это время! Пить бросил, нашел работу корректора в издательстве и даже начал подумывать о продолжении образования, разумеется, заочно.

Тут нужно сказать, что еще до всего этого я был замешан в одной очень некрасивой истории. Все, казалось, было забыто, но вот неожиданно возникла угроза разоблачения. Ситуация была очень запутанной, связанной с моими прежними дружками и одной женщиной, которая поневоле оказалась в центре событий. По этому делу велось следствие. Я мог бы выйти сухим из воды, прямых улик против меня не было, но тогда бы пострадала эта женщина, человек, в общем, к делу непричастный. Вместе с тем, если бы я признался, на меня бы свалили и чужие грехи. Словом, случай как раз для электронной совести.

Целую неделю я потратил, чтобы перевести вою эту ситуацию на перфокарту. Наконец, все было готово. Я включил машину, контрольная лампочка не горит. Видно, где-то внутри перегорел предохранитель. Кинулся к соседу, его нет дома, на завтра у меня повестка к следователю. Разволновался я ужасно. В конце концов, решил попробовать сам что-нибудь сделать. Снял заднюю крышку и обомлел. Никакой электроники там и в помине нет. Просто, когда нажимаете рычаг, подскакивает металлический шарик, который потом падает либо влево

половину лотка, либо в правую и там замыкает контакты. Словом, все зависит от чистой случайности, либо «да», либо «нет», еще примитивнее рулетки.

Трудно передать, каким для меня это было разочарованием! Ведь я слепо во все верил. Напился я в тот день до скотского состояния, а когда вернулся домой... В общем, свел с этим соседом все счеты. В результате получил три года.

И знаете ли, все эти три года думал. Хотелось во всем разобраться. Ведь все-таки эта самая электронная совесть мне чем-то помогала. Ну, глаза – глазами, тут понятно. Может быть, если бы мы чаще смотрели людям в глаза, все было бы иначе. А вот этот шарик. Решение сложных этических проблем с пятидесятипроцентной вероятностью правильных ответов. Ведь это – не так мало. Каждый из нас, действуя в сложных обстоятельствах, допускает значительно больше ошибок. Если бы все люди в пятидесяти случаях из ста поступали бы правильно, наверняка человечество было бы уже иным. И машины никакой тут не надо. Обыкновенная монетка, орел или решка. О, я предвижу ваши возражения. Вы хотите сказать, что человек, бросая монетку, может невольно сжульничать. Не зря говорят, что нет большего хитреца, чем тот, кто старается обмануть самого себя. Однако, в данном случае есть способ, исключающий любой самообман. Смотрите, как это делается! – Он вынул из кармана несколько двухкопеечных монет. – Нет, это слишком легкие, нужно что-нибудь потяжелее. Благодарю вас! Вот как раз то, что требуется.

Он положил монету между указательным и большим пальцем и, ловко закрутив, щелчком пустил ее вверх.

– Глядите! – Монета шлепнулась к нему на ладонь. – Герб! Это у меня всегда означает «да». Тут, как видите, безо всякого мошенничества.

Он снова внимательно поглядел мне в глаза, затем подмигнул и, зажав в кулаке мой двугривенный, направился к пивному ларьку.

Странная история

В смятении и страхе сажусь я за машинку, ибо предстоит мне не только поведать миру историю странную и фантастическую, но и со всей возможной деликатностью коснуться вопросов, о которых принято говорить полунамеками и шепотком.

Не приведи господь, попадут эти строки на глаза какой-нибудь злющей-презлющей Бабе-Яге. И поползут во все концы письма, обличающие автора во всех смертных грехах, как это он смел отойти от классической концепции об аистах и капусте, и вообще, что будет, граждане судьи, если каждый начнет писать, что взбредет в голову, И воздастся автору за все полной мерой.

Поскольку же автор, откровенно говоря, человек отнюдь не безрассудной смелости, то разрешите, в порядке подстраховочки, привести авансом некие смягчающие вину обстоятельства.

Вся эта история не высосана мною из пальца. Рассказал мне ее знакомый врач-психиатр К. Фамилию его полностью я не привожу только потому, что свою долю неприятностей он уже хлебнул. Его доклад в Психиатрическом обществе с подробным изложением обстоятельств дела был прослушан при необычайном оживлении в зале, стенограмма оказалась зачитанной до дыр подругами машинистки, но вместо назначения комиссии для расследования этого беспрецедентного в психиатрии дела, докладчику вскоре предложили внеочередной отпуск и бесплатную путевку в санаторий. Там мы и познакомились.

У меня до сих пор хранится общая тетрадь, в которой он со скрупулезностью учебного записывал все наблюдения над больным. Специалист может там найти полный анамнез болезни, адреналиновые и сахарные кривые, данные периодических осмотров, записи бесед и множество специальных терминов, в которых я совсем не разбираюсь.

Таким образом, мне предстоял нелегкий труд, с одной стороны, – исключить оттуда все то, что выходит за пределы литературного произведения, а с другой, – дополнить собственным воображением пробелы, касающиеся главным образом второстепенных действующих лиц, иначе говоря беллетризировать всю эту историю. Насколько это удалось, пусть судит читатель.

Что же касается прочих возможных претензий к автору, то нужно сказать, что проживает он в индустриальном районе, где уже забыли как выглядят аисты. Тем не менее, из своего окна автор ежедневно любуется вереницей колясок с упитанными розовощекими младенцами. Если к этому добавить, что в близлежащих магазинах из-за отсутствия оборудованных складских помещений капуста продается в таком виде, какой совершенно исключал хотя бы кратковременное пребывание в ней новорожденных, то следует признать, что в этой местности пополнение населения идет способом неизвестным злющей-презлющей Бабе-Яге. А история сама выглядит так:

Рабочий день уже давно закончился, но в кабинете Ивана Терентьевича Есикова, директора завода «Хозмет», все еще было полно народа. Шла последняя декада месяца, как всегда определяющая быть плану или не быть.

Вызванные на экстренную летучку начальники цехов и служб с тоской поглядывали на раскрытые окна, за которыми скорее угадывалась, чем чувствовалась приятная прохлада летнего вечера. Кое-кто тайком просматривал расписание дачных поездов, другие глотали слюну, предвкушая холодок кружки с пенистым пивом, третья же, махнув на все рукой, курили одну папиросу за другой, мечтая только поскорее опустить голову на подушку. От табачного дыма и усталости голоса у всех стали хриплыми, а глаза злыми.

Сам же Иван Терентьевич Есиков, без пиджака, в пропотевшей на спине рубашке, дирижировал всем этим разноголосым хором, не чувствуя ни утомления, ни скуки. Тут он был пол-

ностью в своей стихии. Наконец, в хаосе взаимных претензий, дефицитов производственного отдела и нарушений ритмов потока, как мелодия, повинующаяся палочке маэстро, начали пропасть четкие контуры плана.

– Все! – удовлетворенно сказал Иван Терентьевич. – Так и запишем! Завтра к одиннадцати производственному отделу представить откорректированный график. А сейчас – все свободны.

Он вытер платком шею и взглянул на часы. Была половина девятого, оставалось еще время, чтобы просмотреть вечернюю почту.

Вызванная звонком секретарша высыпала окурки в газету и удалилась, оставив за собой приторно-сладкий запах духов. Иван Терентьевич с усмешкой поглядел ей вслед. Вот тоже, приобретение. Локонь до плеч, кстати, гораздо длиннее, чем юбка, раскрашена, как японская кукла, вихляющая походка, да и вообще… Совсем еще девчонка, а держит себя черт знает как! Ох, не лежала душа у Ивана Терентьевича к секретаршам подобного рода. С грустью вспоминал он Анну Николаевну, пожилую скромную женщину, с которой проработал десять лет. И дернула же его нелегкая излить душу некоему начальственному и весьма благорасположенному лицу, что вот, мол, секретарша уходит на пенсию, просто не знаю, что делать. А тот будто только и ждал этого. У меня, – говорит, – племянница Люсенька, только что школу кончила, не знаем куда пристроить. Возьми, не пожалеешь. Не девочка, а перчик. Такая красотуля, что, с ног валит. Любой заказчик все рекламации забудет. Да и тебе, старому хрычу, в кабинете уют создаст. Вкус у нее потрясающий. Ну, как отказать в таком деле. Взял на свою голову.

Тем временем вихрь благовоний вновь возвестил о появлении Люсеньки. Она положила на стол папку с почтой, прижавшись самым бесстыдным образом к плечу директора.

Это уж было больше, чем мог допустить Иван Терентьевич.

– Послушайте, Люся, – сказал он тоном холодным до чрезвычайности, – я с вами давно собирался поговорить. Ваша манера одеваться и вести себя мне определенно не нравится. У нас тут производство, а не… – он пошевелил пальцами, подыскивая подходящее сравнение, – …а не мюзик-холл. Ко мне люди ходят по делу. Из цехов в спецовках. Среди них есть и женщины, честные труженицы, которыми по праву гордится наш завод. Ваш наряд, прическа, духи создают… как бы сказать… какой-то контраст со скромной рабочей обстановкой производства. Я уверен, что в цехах уже посмеиваются по этому поводу. Я не ханжа. Кончили работу – пожалуйста, одевайтесь, как вам нравится, а сюда потрудитесь являться э… в более скромном виде. Люся покраснела.

– Я думала… – сказала она дрожащим голоском. – Мне казалось… А вы! Вы!

– Ладно, ладно, – перебил ее не терпевший слез, Иван Терентьевич. – Страшного ничего не произошло. Просто я, как старший, сделал вам замечание. Надеюсь, оно пойдет на пользу. И нечего на меня обижаться. Я ведь вам в отцы гожусь.

Вот тут-то и соврал Иван Терентьевич. Не годился он в отцы ни Люсе, ни кому-либо другому. И, если уж быть совершенно откровенным, то и в мужья он тоже никому не годился. Потому что, как ни тягостно об этом писать, но от рождения страдал Иван Терентьевич неким дефектом, исключающим начисто роль отца и супруга. Так что не оставалось ему ничего другого, как искать утешение в высказываниях И. П. Павлова, считавшего греховные радости плотской любви пустой тратой сил, которые при полном воздержании могут быть использованы для творческого расцвета личности. И хотя изучение биографий таких великих людей, как Пушкин, Байрон, Александр Дюма и Берtrand Рассел, позволяют сделать выводы, прямо скажем, иного рода. Все же, точка зрения создателя учения об условных рефлексах и поныне служит путеводной звездой многим, кто находится в сходном положении с Иваном Терентьевичем.

Теперь самое время дать полную характеристику этому главному герою вашего повествования. Прежде всего, честнейший и порядочнейший человек. Умелый руководитель. Инженер, к тому же знающий свое дело. Не карьерист. Подхалимов и склонников не переносит.

Тут у читателя невольно может возникнуть вопрос: как же человек с таким редким сочетанием деловых и душевным качеств руководит всего-навсего каким-то заштатным заводиком, производящим утюги да мясорубки? Конечно, это вещи в хозяйстве необходимые, но что такое утюг или мясорубка по сравнению, скажем, со сверхмощным турбогенератором? Мелочь! Так не лучше ли было бы поставить Ивана Терентьевича директором крупного предприятия, где его таланты развернулись бы во всем блеске? Ведь большому кораблю – большое плаванье.

Верно все это, ох, как верно! Однако не надо забывать и другого. Во-первых, кто-то должен и утюги с мясорубками делать. А посади туда какого-нибудь пентюха, так завтра сами же вы,уважаемый читатель, взвоете благим матом. Во-вторых, слов нет, руководить большим предприятием куда как почетнее и приятнее, а вот насчет труднее ли, это еще вопрос. Такое предприятие у всех на виду. Случись что-нибудь с планом, сразу мчатся курьеры, летят депеши, созываются ответственнейшие совещания, из министерства срочно прибывают седовласые мужи с холеными глазами и учтивыми манерами – помогать расширять узкие места. А оклады первой категории? А персональные надбавки к ним? А кандидаты технических наук, запросто работающие в конструкторском бюро? Да что там кандидаты! Консультантов в звании членкоров не хотите? А командировки для изучения передовой технологии, Вы что, забыли о них? А импортное уникальное оборудование? Это вам тоже, как говорится, не хвост собачий!

Так спустимся на землю и представим себе, что вы не додали ежемесячному плану сколько-то мясорубок. Ну вызовут куда следует и пропесочат. Строго предупредят – не выпрашивай положение, подберем другую работу, по силам. И подберут, можете не сомневаться. Никто с вами особенно нянчиться не будет.

Конечно, нельзя умолчать, что Иван Терентьевич не раз, читая в газетах о награждениях и премиях, перепадающих его более удачливых коллегам, сокрушенno вздыхал. Было и такое, однако тут же неотложные нужды производства отвлекали его от печальных мыслей. Кроме того, он понимал, что в пятьдесят лет достиг уже своего потолка. Там, за массивными стенами заводов союзного значения, в просторных корпусах, озаряемых светом люминесцентных ламп, шла своя особая жизнь, и будущие руководители пестовались управлениями кадров министерств с младых лет. И никому в этих министерствах не было известно о каком-то там Иване Терентьевиче Есикове. А если и было бы известно, так что? Делает мясорубки, и ладно. Надо же кому-то и мясорубки делать. Без них тоже не обойдешься. Не ввозить же из-за границы.

Поэтому, складывал аккуратненько Иван Терентьевич газету с награждениями и принимался за текущие деда. Так капитан работяги-буксира взглянет грустно на отплывающий в дальний рейс залитый огнями роскошный лайнер, поглядит на рубку, где выłożенный штурман нагнулся над экраном локатора, запихнет потуже kleенчатый плащик, усмехнется в усы и поведет свое суденышко сквозь брызги волн и туман на створы гавани.

И все же неверным было бы предположение, что Иван Терентьевич чем-то ущемлен в жизни. Заводик у него был хоть и небольшой, но образцовый, работу он свою любил, на оклад не жаловался, вполне хватало, квартиру имел отличнейшую, из двух комнат, а в окрестностях Зеленогорска – дачку от дачного треста. Конечно, Зеленогорск не Комарово и не Репино, но тоже место неплохое, а при наличии служебной машины и окраина хороша. Что же касается семейной жизни, то поскольку тяги к ней он вообще не испытывал, так и говорить не о чем. Тем более, что хозяйство его вела старая домработница, женщина аккуратная, честная и заботливая.

Вот, пожалуй, и все, что можно сообщить о главном герое.

Посмотрев почту, Иван Терентьевич вспомнил еще об одном деле и поморщился. Зван он был сегодня на день рождения к начальнику ОТК, жившему в заводском доме, расположенному тут же у проходной. Идти туда ему до смерти не хотелось, но и обидеть старика было нельзя. Хоть на час, а зайти нужно.

Иван Терентьевич потянулся, вымыл руки, надел пиджак и вышел в приемную. Там, на отполированной до блеска скамье, позади заплаканной Люси, как всегда, дремал, надвинув кепку на глаза, шофер Гоша. Услышав скрип двери, он лениво открыл один глаз.

– Опять спишь?! – раздраженно сказал Иван Терентьевич. – Что за натура такая! Времени свободного хоть отбавляй, парень молодой, хоть бы книжку почитал.

– Чего их читать? – усмехнулся Гоша. – Все равно, одна брехня.

Иван Терентьевич нахмурился.

– Подожди, вот возьмусь за тебя. Заставлю в техникум готовиться. А то так всю жизнь и проспишь в приемной.

– Мне техникум ни к чему. Мне и тут не дует.

– Ладно, – оборвал его Иван Терентьевич. – Поговоришь у меня потом. А сейчас слушай: я буду в новом доме. Через час подашь машину, поедем на дачу. Понял?

– Чего ж тут не понять?

Здесь заметим, что Есиков крайне редко позволял себе задерживать Гошу на работе сверх положенного времени. В прошлом – фронтовой шофер, он отлично сам водил машину. Однако сегодня знал Иван Терентьевич, что никак не отвертеться ему от рюмки за праздничным столом, и не в его правилах было садиться после этого за руль.

– А вы можете идти, Люся, – добавил он.

– Хорошо, Иван Терентьевич.

Иван Терентьевич направился к проходной, но по дороге завернул в механический цех, где обрабатывалась партия заготовок, отлитых по новой технологии. Шел брак, и пришлось вызвать с квартиры начальника литейного цеха, разбираться в технологии, давать указания о проверке кокилей. Словом, ушло на это минут сорок. Тут вспомнил он, что забыл в кабинете заранее припасенный торт для именинника. Вернувшись в кабинет, Иван Терентьевич щелкнул включателем и застал на месте от изумления и гнева.

Да-да, читатель! Именно то, что ты думаешь. Будем без трепета глядеть в лицо жизни, когда она, бросая нам вызов, глумливо поднимает забрало.

Итак, на директорском диване бездельник Гоша с вертихвосткой Люсей, презрев все высказывания великого физиолога о сохранении творческих сил, предавались как раз тому, от чего он предостерегал.

Трудно передать, что тут произошло.

Иван Терентьевич бушевал. Люся рыдала, а Гоша, тупо глядя в пол, непрестанно бубнил: «Я тоже человек», что уже само по себе свидетельствовало о невысоком уровне интеллекта директорского шоferа, потому что имей он подготовку хотя бы в объеме классической гимназии, нечего было б, как попка, додонить одно и то же. Мог бы Гоша, подобно герою комедии Теренция, гордо заявить: «*Homo sum, et humanum nihil a me alienum puto*».

Однако, образование он имел всего семиклассное, да и латынь из моды вышла ныне...

Все имеет свой конец, в том числе и начальственный гнев. Пообещав Люсе поговорить с ней утром как следует, Иван Терентьевич велел Гоше подавать машину, ехать на дачу. Позвольте? – спросит дотошный читатель. – А как же со званым вечером? – Полноте! какой там еще вечер после таких переживаний? Нет, не вполне еще остыл Иван Терентьевич. Иначе сидел бы он на привычном месте рядом с шофером, а не забился в угол на заднем сиденье. И на вопрос Гоши «Можно я закурю?» не ответил бы в сердцах: «Нельзя!»

А тут еще, как на грех, только Сестрорецк проехали, спустило заднее колесо, а запасное-то Гоша оставил в гараже. Совсем скверно получилось. Однако добрались потихонечку заполночь.

– Иван Терентьевич, – робко сказал Гоша, – мне бы костер развести, я бы мигом завулканизировал.

– Ишь чего! – буркнул Есиков. – Нашел время по ночам костры разводить. Оставайся ночевать, завтра сделаешь. – И приказав Марфе Назаровне, домоправительнице своей, пристроить Гошу на веранде, отправился спать.

И было Ивану Терентьевичу Есикову, директору завода «Хозмет», во сне видение. Будто никакой он не директор, а шофер Гоша. И будто с ним, с шофером Гошей, прелестница Люсенька, не девочка, а персик. И будто меж ним, шофером Гошей, и девочкой-персиком такая жаркая любовь, что дальше некуда.

Тут мой знакомый врач-психиатр К. особо останавливается на одном обстоятельстве. Человек – по натуре – существо эгоцентрическое. Особенно этот эгоцентризм проявляется во снах. И хотя фрейдисты напустили тут иного всяческого тумана, факт остается фактом. Никогда еще в науке не был зарегистрирован случай, чтобы человек во сне видел себя кем-то другим, тем более в подобной ситуации.

И все же Иван Терентьевич, перевоплотившись в своего шофера, познал до конца тайные глубины сладостного греха. Вот так.

Немудрено, что проснулся он совсем разомлевший и утром смотрел на Гошу совсем иными глазами. Тот тоже старался, как мог, загладить вчерашнюю вину. К пробуждению Ивана Терентьевича все последствия прокола были уже устраниены, а машина отполирована сверх всяких похвал.

Плотно позавтракав, выехали они к месту работы в атмосфере всепрощения и согласия. Гоша курил, а Иван Терентьевич погрузился в размышления.

Проехали они уже больше полпути, когда Иван Терентьевич спросил:

– А тебе, Гоша, сны снятся?

– Бывает.

– И что тебе снится?

– Когда как. Вообще-то наше дело молодое, все больше бабы снятся. А вот сегодня такое приснилось – и смех и грех!

– Что же именно? – заинтересовался Иван Терентьевич. Гоша покраснел.

– Ты не стесняйся, – подбодрил его тот. – Я ведь так спрашиваю, из любопытства...

– Да… – Гоша опять закурил. – Снилось мне сегодня, что я – это не я, а вы, Иван Терентьевич.

– Как?!

– Очень просто. Будто сижу я за вашим столом и скипидарю вас же бога в мать, а вы будто не вы, а я, то есть, мой шофер. Уж больно вы мне вчера, извините, жару давали, вот, видно, и приснилось.

– Гм...

Иван Терентьевич замолчал и уже до самого завода не раскрывал рта.

Что же касается встречи директора с секретаршой, то тут дело не обошлось без легкого налета драматизма.

Явилась она к нему в кабинет одетая как монашка, волосы собраны в узел, косметики никакой, и молча положила на стол заявление об уходе.

Иван Терентьевич встал со стула бледный, с плотно сжатыми губами и положил ей руки на плечи, честно говоря, струхнула тут Люсенька, решив было, что снимет он сейчас ремень и дополнит вчерашний разнос отеческим внушением. Однако сегодня заботы Ивана Терентьевича были отнюдь не отеческими.

– Слушай, девочка, – сказал он, глядя ей в глаза. – Погорячился я вчера малость. Ты уж на меня не обижайся.

И затрепетала Люся в руках директора, словно бабочка на булавке юного натуралиста. Невдомек ей было, что тут она в такой же безопасности, как в объятиях ресторанных медведя.

Затем Иван Терентьевич разорвал заявление в мелкие клочки и, достав из стола тот самый торт, вручил его совсем растерявшейся секретарше.

– Вот возьми в знак примирения.

Люся заплакала, а Иван Терентьевич неожиданно добавил!

– Что ж, Гоша парень, что надо. Совет вам да любовь.

Нет, не бесхребетным альтруизмом были продиктованы поступки Ивана Терентьевича. Руководствовался он в этом деле своим расчетом. Уж больно ему хотелось хоть еще раз побывать в Гошиной шкуре, и имелись у него особые соображения.

С бьющимся сердцем возвращался он вечером на дачу, предвкушая повторение волшебного сна.

Однако, сколь ни вертелся он с боку на бок в жесткой своей постели, сны приходили совсем ерундовые. То снилось ему, что вместо победитовых резцов привезли садовые грабли, то вахтеры требовали зимнее обмундирование, то уже укомплектованная партия мясорубок оказывалось совсем без ножей. И все в таком духе.

Не принесли желанных видений и следующие ночи.

И тут, поразмыслив, пустился Иван Терентьевич на хитрость. Вернувшись на дачу позже обычного, велел он Гоше оставаться ночевать на веранде, поскольку завтра нужно выехать пораньше. А хитрость состояла в том, что хотел он, так сказать, полностью восстановить условия эксперимента. И не ошибся. Сияющий, как бог, вышел он к завтраку. Что же касается Гоши, то пребывал он тем утром в отвратительнейшем настроении и на вопрос Ивана Терентьевича о причинах хандры хмуро ответил:

– Гнать надо этих снабженцев! Разве с такой землей формировать можно?

И точно! Не далее как вчера устраивал Иван Терентьевич грандиозный разнос по поводу формовочной земли. Теперь уже все сомнения у него отпали. Держал он в своих руках величайшую тайну вожделенных перевоплощений.

Дальше все шло просто. Поселил Иван Терентьевич Гошу у себя на даче, а дабы поддержать его пыл на должной высоте, предоставлял в распоряжение молодой пары свою машину на выходные дни. Совет им да любовь!

Казалось бы, чего лучше! Но вот, по прошествии некоторого времени стал замечать Иван Терентьевич, что в его снах образ Люси как-то побледнел, а порой и вовсе подменяется совсем другим. Какая-то цыганка, не цыганка, а не поймешь кто. Уж больно расплывчато, да и прежней остроты ощущений нет.

Поэтому и спросил он как-то Гошу напрямик:

– У тебя что с Люсей?

Тот только усмехнулся:

– Люся – пройденный этап. Я теперь к Анджеле бабки подбиваю. Такой кусочек, что закачаешься.

– Что за Анджела? – сухо спросил Иван Терентьевич. – Иностранка, что ли?

– Зачем иностранка? Елкина ей фамилия. Анджела Елкина из планового отдела. Разве не знаете?

Затребовал в тот день Иван Терентьевич личное дело Анджелы Елкиной из планового отдела и долго, как зарованный, глядел на фотографию. Да… знал прохвост Гоша, где кусочек послаже!

А вечером по дороге на дачу, как бы невзначай сказал Иван Терентьевич:

– Ты… того… Если в субботу хочешь свою Анджелу за город свозить, не стесняйся, машина мне не понадобится.

– Будет сделано! – заржал Гоша.

И было в ночь на воскресенье новое видение Ивану Терентьевичу, лучше всех прежних. Словом, он понял, что действительно Люся – пройденный этап. О, царица снов моих Анджела!

Так бы оно и шло, если б не случай, совсем ерундовый. Взбрело на ум Марфе Назаровне, домоправительнице директора, изготовить на завтрак пирог с капустой. Поставила она чайник на плиту, открыла газ в духовке, а зажечь его забыла. А сама тем временем побежала за молоком. И, пока она ходила, взорвался газ в духовке и был, как говорится, великий взрыв, да такой, что стекла вылетели.

Вырванные из утренних сновидений Иван Терентьевич с Гошей как были в одних трусах, повскакали с постелей. Хоть и спросонья, а все же догадался Иван Терентьевич перекрыть газ на баллоне, так что, в общем, и ничего страшного-то не произошло.

Но тут случилась вещь до удивительности странная. Идя в свою комнату, хотел Иван Терентьевич отдать какое-то распоряжение Гоше, повернулся к нему и обнаружил, что Гоши-то никакого нет, а есть вместо него сам Иван Терентьевич в полной натуре с животиком. И грудь поросла рыжими волосами. Протер он глаза, а наваждение не исчезает. Иван Терентьевич, и только! Тут подошел он к зеркалу и увидел, что сам-то он не Иван Терентьевич, а Гоша. Ну, словом, как во сне.

Дальше все представляется весьма туманным. По словам Марфы Назаровны, начал тут Гоша буйствовать, а Иван Терентьевич, призывая его к порядку, употреблял такие выражения, каких она от него сроду не слыхала. К тому же, наотрез отказался Гоша везти своего начальника и уселся с наглым видом на директорское место. Пришлось Ивану Терентьевичу самому вести машину.

Прибыв на завод, Гоша стал ломиться в директорский кабинет и все порывался отдавать различные приказания, не внимая никаким уговорам.

В конце концов, вызвали скорую и отправили его в психиатрическую лечебницу.

Там его и пользовал уже упомянутый врач-психиатр К. В своих записях он отмечает странный вид амнезии больного. Тот решительно ничего не помнил из своего прошлого, но проявил удивительную осведомленность о всей жизни Ивана Терентьевича Есикова с младенческих лет...

Пробыл Гоша в доме скорби около года и был выписан оттуда полностью излеченным. Характер его резко изменился. Скромен в быту и активен в общественной жизни. Проколов в правах не имеет. На собраниях часто выступает с очень дальными предложениями насчет улучшения производственного процесса.

Что же касается Ивана Терентьевича Есикова, то происшествие того утра для него тоже не прошло даром. Уже дважды в соответствующих инстанциях ставился вопрос об аморальном его поведении, вследствие чего он был вынужден оформить брак с Люсей и развод с ней, выплату алиментов Люсиной дочке, брак с Анджелой и усыновление ее ребенка. В последнее время его часто видят с рыженькой машинисткой главного технолога, так что не исключена возможность и новых разбирательств, тем более, что производство мясорубок он совсем развалил. Рекламации идут каждый день.

Таковы факты. Однако спрашивается: кто же на основании этих фактов решится создать комиссию для разбора такого вздорного дела? Никто такую комиссию создать не решится, это уж совершенно точно. Да и что тут может сделать какая-то комиссия, когда даже неизвестно, кто есть кто? А вдруг действительно тут что-то не так? Ведь при этом возникают столь запутанные проблемы правовые и прочие, что любой юристконсульт ногу сломит.

Нет, уж лучше дело спустить осторожненько на тормозах.

Ева

– Я категорически возражаю против непосредственной передачи в эфир, – сказал Вычислитель.

– Как это, возражаете?! – опешил Корреспондент. – У нас программа...

– У меня тоже.

– Я не о том. Передача объявлена три дня назад, и десятки миллионов телезрителей... Да они же оборвут все телефоны, если мы ее отменим!

– Никто не говорит об отмене. Отложите ее на час. Если опыт удастся, пожалуйста, пускайте в эфир.

– Но есть же распоряжение...

– Мне кажется, что здесь распоряжаюсь только я.

– Ну, как вам нравится такой сюрприз?! – обратился Корреспондент к Антропологу.

Тот пожал плечами, явно показывая этим, что не намерен ввязываться в спор.

– Зря вы так, – вмешался Психолог. – Это же мировая сенсация, и совершенно понятно, что широкая публика проявляет небывалый интерес. Да и что такое может произойти, чтобы откладывать передачу?

Вычислитель потер ладонью щеки, заросшие седой щетиной. Он не спал уже двое суток, и ему ни к чему была вся эта шумиха. Сейчас его волновало совсем другое.

– Я уже сказал, – устало произнес он, – отложите на час. Поймите, что никто не может ничего гарантировать.

– Где у вас телефон? – спросил Корреспондент.

– Там, – Вычислитель указал на соседнюю дверь.

– Я позвоню в студию.

– Пожалуйста.

Через несколько минут Корреспондент вернулся в машинный зал заметно повеселевшим.

– Передача начнется точно в назначенное время. Дня начала мы дадим фильм, снятый на раскопках. Тем временем, будем вести видеозапись и, если...

– Хорошо, – перебил Вычислитель. – Сейчас начнем.

– Погодите, я включу осветители.

Корреспондент дал знак операторам, и пять ярких ламп осветили пульт.

Вычислитель поморщился.

– Нельзя ли убавить свет? – спросил он, прикрыв рукой глаза.

– Придется потерпеть, – Корреспондент взял микрофон. – Вы, наверное, скажете несколько слов для начала?

– Не собирался.

– Тогда разрешите мне?

– Валяйте! – кивнул Вычислитель.

Корреспондент вынул из кармана блокнот и торопливо просмотрел записи.

– Отлично! Начинаем! – Он подождал, пока на ближайшей камере зажглась сигнальная лампа. – Итак, дорогие друзья, вы только что стали свидетелями самой сенсационной находки нашего времени. В зоне вечной мерзлоты во время раскопок были найдены останки двух человек, мужчины и женщины, обитателей тех далеких времен, когда по земле еще разгуливали мамонты. Сейчас большая группа ученых изучает эту находку. Реконструкция, выполненная по скелетам, будет в скором времени экспонирована в антропологическом музее. Однако, это – далеко не все. Срезы сохранившихся тканей были переданы в Вычислительный центр, где в течение года велась титаническая работа, с результатами которой мы вас сейчас ознакомим. Несколько слов об этой работе. При помощи тончайших методов современного анализа рас-

шифровывалась генетическая структура и переводилась на машинный язык. Сейчас в машине, пульт которой перед вами, хранится вся информация, которая обычно заключена в шифрах генетического кода каждого индивида. Теперь машине предстоит ее суммировать и перевести в зрительный образ. Короче, мы сейчас с вами увидим, как выглядели эти люди. Итак, внимание!

Корреспондент выключил микрофон и, нагнувшись к плечу Вычислителя, спросил:

– Ну, как?! Не очень я наврал?

– Не очень.

Вычислитель произвел какие-то манипуляции на пульте, и в одном из двух прозрачных цилиндров возникло мутное облачко. Постепенно уплотняясь, оно превратилось в объемное изображение женщины.

– Боже! – прошептал Корреспондент. – Кто бы мог подумать?! Да наши прославленные красавицы с ума сойдут от зависти!

– Теперь – мужчина, – сказал Вычислитель.

– Дайте крупный план! – зашипел Корреспондент операторам. – Ведь все античные статуи по сравнению с ними – просто чурбаны!

Несколько причудливых аппаратов подъехали к цилиндром и на время скрыли их от объективов камер.

Корреспондент снова вспомнил о своих обязанностях. Он поднес микрофон к Антропологу и спросил:

– Не расскажете ли вы, что сейчас происходит?

– Антропологические измерения и фотографирование.

– Скажите, неужели действительно так выглядели люди, которые охотились на мамонтов? Антрополог улыбнулся.

– Конечно, нет. На реконструкциях, выполненных по скелетам, они совсем другие. Они могли бы так выглядеть, как здесь, если бы с детства не были обречены на вечное недоедание, холод и жестокую борьбу за существование. Если бы их не донимали паразиты и болезни, если бы... Словом, это то, что генетически заложено в человеке. Некий оптимум, предусмотренный природой. В той композиции, которую вы видите, ни одна клетка тела не подверглась разрушающему воздействию внешней среды и времени. Это – девственно чистые организмы.

– Добавьте, с девственно чистым мозгом, – заметил Психолог.

Корреспондент поднес к нему микрофон.

– Может быть, вы поясните вашу мысль?

– Охотно! Ведь эти образы – всего лишь фантомы, синтезированные на базе значительно более широкой информации, хранящейся в машине. Там имеются данные не только о росте, объеме грудной клетки, цвете глаз и волос, но и сведения, так сказать, более интимного характера. В частности, все инстинкты, переданные по наследству. Только инстинкты. Ничего, что связано с обучением, тем нет. Больше того: там нет ни одного бита внешней информации. Поэтому я и говорю о девственно чистом мозге. Такой мозг для психолога – сущий клад, так как дает возможность проверить экспериментально ряд фундаментальных предположений. В тех опытах, которые я намерен провести...

– Я убираю изображения, – вмешался Вычислитель.

– Минуточку! – Корреспондент подошел к операторам. – Дайте еще раз крупный план. Вот так! Благодарю вас!

Вычислитель перевел рычажок на пульте, и изображения исчезли.

– Вы готовы? – обратился он к Психологу.

– Готов! Вот катушки с программами. Но я полагаю, что телезрителям будет интересно ознакомиться с проблемами, которые сейчас подлежат исследованию?

– Конечно! – сказал Корреспондент. – Прошу вас!

Психолог откашлялся и поправил галстук.

– Итак, повторяю, перед нами модель мозга в девственном чистом состоянии, хранящего только инстинкты. Пожалуй, если бы Адам и Ева существовали в самом деле, то в момент творения их мозг был бы примерно таким же. Хочу обратить ваше внимание на одну деталь: в этом мифе совершенно точно уловлено незнание добра и зла, вернее – невозможность отличить одно от другого. Все этические понятия – результат взаимодействия с социальной средой. Таких понятий в человеке природой не заложено. Я намерен исследовать ряд ситуаций, при которых это положение будет подтверждено. Однако для начала я должен научить их хотя бы ходить. Прошу ввести данные для обучения!

– Готово! – сказал Вычислитель.

– Отлично! Теперь восстановим библейскую ситуацию. Прошу ввести информацию об Адаме в мозг Евы.

– Введена!

– Реакция?

– Сейчас проверю, – Вычислитель нажал клавиши, и из машины поползла лента, испещренная знаками. – Реакция – любопытство.

– Так! Введите информацию о Еве в мозг Адама. Готова?

– Да.

– Реакция?

– Гм… Пожалуй, никакой.

– Чудак! – засмеялся Корреспондент. – Такая красотка, и никакой реакции! Все равно, держу пари, что они через несколько минут влюбятся друг в друга по уши.

– До этого не дойдет, – усмехнулся Психолог. – Сейчас голод потушит все остальные эмоции. Прошу следующий метр пленки. Острое ощущение голода у обоих.

– Это еще зачем? – спросил Корреспондент.

– Для строгости эксперимента. Вы помните, наверное, что по преданию Ева, съев яблоко с дерева познания добра и зла, другое дала Адаму?

– Конечно.

– Так вот, заметьте, что оба они в это время были сыты. Теперь представьте себе, что оба они умирают с голода, а яблоко всего лишь одно. Что в этом случае?

Корреспондент поежился.

– Жестокий эксперимент. Разве можно такое пробовать на людях?

– На людях может и не стоит, но ведь это – игра на машине. Здесь не люди, а их модели. Итак, следующий метр пленки. Обоим вводится понятие о съедобности яблок.

– Готово! – сказал Вычислитель.

– В мозг Евы вводится дерево с одним-единственным яблоком. Адам этого дерева не видит. Что делает Ева?

– Сейчас посмотрим, – Вычислитель снова склонился над лентой. – Ева ест яблоко.

– Вот видите! – Психолог радостно потер руки. – Что и требовалось доказать! Все как предполагалось, торжествует первозданный эгоизм! Итак, задача решена в примитиве. Сейчас мы ее усложним. Пожалуйста, следующую бобину, а пока я познакомлю телезрителей…

– Погодите! – перебил Вычислитель. Некоторое время он еще изучал перфоленту, затем потянулся к пульту и нажал красную клавишу. На многочисленных табло появились нули. – Эксперимент закончен!

– Переходим к следующему, – сказал Психолог.

– Следующего не будет. Я стер из машинной памяти всю информацию об этих двух людях.

Психолог побледнел.

– Вы это серьезно?!

– Абсолютно серьезно. Вот видите, нули. Машинная память чиста, как ласт бумаги.

– Да какое вы имели право?! Сорвать такой эксперимент! Опыт должен быть многократно повторен во все усложняющихся условиях. Ведь это было только шуточное начало!

– Опыт не будет повторен, – спокойно сказал Вычислитель, снимая халат. – В этом просто нет необходимости. Эта женщина… Ева… Она отдала ему половину яблока. Понимаете? Отдала половину! Думаю, что вы получили достаточно ясный ответ на все ваши вопросы.

– А вы, – он повернулся к Корреспонденту, – если хотите, можете пускать видеозапись в эфир.

Теоретик

Мы сидели на лужайке после сытного воскресного обеда и мирно беседовали. Веселый гомон птиц мешался со звонкими голосами ребятишек, гонявшими мяч. Только мелькавшие рядом силуэты автомобилей, мчавшихся по шоссе, напоминали о существовании города, куда мы оба должны были вернуться в понедельник.

Не помню, почему мы, вдруг, заговорили о Фрейде. Кажется, я сказал, что чтение многих современных американских рассказов оставляет неприятный осадок, потому что в них чувствуется фрейдистский душок.

— Терпеть не могу, — сказал мой собеседник, — когда люди, знающие об учении Фрейда понаслышке, шельмуют его только за то, что он откровеннее других показывает нам человеческую сущность. Я считаю Фрейда самым тонким психологом и лучшим знатоком человеческих душ. Какие бы усилия не прилагало общество к воспитанию людей, оно никогда не сможет вытравить из сферы подсознательного заложенных в ней ужасных инстинктов. Посмотрите на этих ребятишек. Они вам кажутся очаровательными, но попробуйте разрешить им помучить кошку, и вы увидите, с каким наслаждением они это будут проделывать.

— Чепуха! — возразил я. — Вы просто плохо знаете детей. Конечно, дурным воспитанием можно испортить любого ребенка, но тупая жестокость никогда не была свойственна детям.

— По существу говоря, — продолжал он, — воспитание вообще не имеет никакого значения. Самое лучшее воспитание может только глубже загнать в область подсознательного то, что мы собой представляем на самом деле, но как тонка эта защитная броня от дремлющего в нас зверя. Достаточно легкого запаха крови, чтобы он вырвался наружу. Почитайте описание битвы быков у Хемингуэя. Просто не верится, чтобы человек, написавший «Старик и Море», мог так смаковать предсмертные судороги.

Я снова вынужден был запротестовать.

— Мне кажется, что в битве быков большинство людей ценят единоборство человека с превосходящим его по силе противником. Все же это спорт, пусть жестокий, но спорт, где у противников одинаковые шансы быть поверженным.

— Ну, а охота на зайцев тоже по-вашему спорт, где у противников одинаковые шансы? Гуманист Тургенев был страстным охотником. Не было ли это просто средством дать выход жажде убийства, скованного тысячами ограничений, накладываемых обществом? Вы не представляете себе, как быстро человек освобождается от всех условностей, когда к этому представляется возможность. Особенно если ему дадут право мучить и убивать людей. Не дай бог, если к тому же еще примешаются сексуальные мотивы. Вот тогда наша подсознательная сущность проявляется во всем ее блеске. Выродки, орудовавшие в гитлеровских застенках, совсем незадолго до этого были благовоспитанными фрицами и гансами, помогавшими старушке перейти улицу. А посмотрите, что делается с человеком на войне. Взгляните на его лицо, когда он колет штыком уже упавшего врага.

— Вы забываете, — возразил я, — что кроме палачей в гестапо были еще и жертвы, стойко сносящие самые ужасные пытки ради верности идеи дружбы, долга, словом, во имя всего того, что не имеет ничего общего с вашим подсознательным зверем. А разве на фронте не было героев, закрывавших своим телом амбразуру вражеского дота? Что ж они, по-вашему, тоже руководствовались при этом сексуальными инстинктами и жаждой убийства?

— Мужество отчаяния, — засмеялся он, — страх и отчаяние, доводящие до самоубийства. Вспомните скорпиона, окруженного кольцом пламени. Он сам себе наносит смертельный удар. Самопожертвование никогда не было свойственно человеку, за исключением материнского инстинкта, но также и раненная утка старается отвлечь охотника от гнезда со своими птенцами.

— То, что вы говорите, мерзко и бесчеловечно, — сказал я, поднимаясь на ноги, чтобы закончить этот неприятный разговор. — Нельзя жить на свете с такими мыслями, даже если они идут из области подсознательного, которому вы придаете чрезмерное значение!

Дальше все происходило с молниеносной быстротой.

В клубах пыли, ломая кусты, на лужайку ворвался огромный грузовик. Он мчался прямо на застывшего от ужаса мальчугана лет шести. Я успел только подумать о том, что вероятно лопнула тяга управления. Одним прыжком мой собеседник оказался перед колесами автомобиля. Он успел отбросить мальчика в сторону, перед тем как был сбит с ног.

Со всех сторон к месту происшествия бежали люди...

— Я восхищен вашей смелостью, — сказал я спустя несколько минут, помогая ему добраться до дачи, — еще мгновение и вы оба были бы под колесами.

— Не знаю, — ответил он, вытирая кровь с лица, — откровенно говоря, я действовал совершенно подсознательно.

Трус

Ежедневно, с десяти утра Борис Линьков околачивался в комнате секретарши, поджиная прихода рассыльной с почтой. Он придумывал ненужные разговоры по телефону и подолгу рылся в пропыленных папках с перепиской прошлых лет. Секретарша, женщина немолодая и опытная в сердечных делах, мгновенно в присутствии этого красивого геолога, приписывая его регулярные посещения внезапно вспыхнувшей страсти. В перерывах между телефонными звонками и вызовами к начальству она рассказывала Линькову о своей неудавшейся семейной жизни, намекая, что причиной развода была недостаточная мужественность ее избранника. Линьков внимательно ее слушал, иногда вставляя сочувственные замечания, но стоило появиться на столе пачке писем, он, как бы невзначай, начинал перебирать ее дрожащими пальцами и, если среди конвертов с разнообразными служебными штампами обнаруживал маленькую белую повестку, незаметно комкал ее и торопился уйти. Секретарша вздыхала, сетуя на робость нынешних молодых людей, и до конца дня предавалась любовным грезам.

О повестках Линьков никому не говорил, а когда наступало время, изобретал какой-нибудь предлог, чтобы отлучиться с работы.

Хотя Линьков проходил по делу всего лишь как свидетель, он тщательно скрывал ото всех свою тайну, потому что дело это было тягостное и постыдное, постыдное для самого Линькова.

Случилось это осенью, три месяца назад. В тот вечер Линьков оказался в незнакомой компании на студенческой вечеринке.

Пригласила его туда студентка университета Оля, с которой у него начиналось что-то вроде романа. Неожиданно для Линькова вечер прошел очень интересно. Не было ни водки с обязательными салатами и селедкой, ни танцев под магнитофон. Пили сухое вино с жареным миндалем, читали стихи и много разговаривали. И то ли потому, что Линьков был на пять лет старше всех этих желторотых птенцов, то ли потому, что был он красив той особенной мужественной красотой джеклондоновских героев, которая всегда вызывает к человеку симпатию, но вскоре случилось так, что говорил он один, и все слушали его с напряженным вниманием.

Говорил он легко, умно и весело. Рассказывал про экспедицию в Саяны, когда неожиданно перевернулся плот, и утонуло все снаряжение и продовольствие. Как две недели добирались они до ближайшего жилья, питаясь ягодами и прошлогодними орехами, рассказывал о своей встрече на лесной тропе с медведем, о верном псе, который собачьим чутьем вывел их к людям. В этих рассказах чувствовалась ирония очень храброго человека, умеющего самые смелые свои поступки представить в смешном виде, не стыдясь признаться, что и страшновато иногда бывает, всегда готового переоценивать поведение друзей и скромно говорить о себе.

Линькову было приятно, что он нашел верный тон, приятно было находиться в центре внимания своих новых приятелей, приятно было, что Оля несколько раз под столом нежно погладила его руку, но больше всего были ему приятны горящие глаза Сурена Папавы, совсем еще мальчика, студента консерватории, про которого говорили, что это пианист-виртуоз, будущее светило.

В половине двенадцатого Линьков стал прощаться.

— Останься, — шепнула ему Оля, — скоро они разойдутся, посидим еще вдвоем, хорошо?

— Боюсь, что я уже и так всем надоел, — усмехнулся Линьков.

— Лучше я тебе позвоню на днях, и мы встретимся.

Папава тоже стал одеваться.

— Мама не любит, когда я задерживаюсь, — пояснил он, краснея, как девушка.

Вышли они вместе.

– Ох, Боря, – сказал Папава, когда они спускались по лестнице, – вы не предоставляете, до чего я вам завидую!

– Завидуете? – удивился Линьков. – Вам ли мне завидовать? Вы скоро будете знаменитостью, объездите весь свет, а я – всего лишь обыкновенный рядовой геолог. К сорока годам, с грехом пополам я защищу диссертацию, обзаведусь семьей и буду до самой смерти марать бумагу в институте. Право, тут завидовать нечему.

– Нет, не так! – горячо возразил Папава. – Вы сильный, ловкий, удачливый. Ваша жизнь полна приключений. А у меня руки пианиста. С самого детства только и слышу: «Этого нельзя, того нельзя, береги пальцы, надень меховые варежки». Вот и сейчас приду домой, ванночка для рук. Мама каждый вечер делает мне массаж. Ведь мой отец… Ну, словом, я один у мамы, и для нее в моей будущности весь смысл жизни.

– Вам что, не нравится ваша профессия? – спросил Линьков.

Нет, очень нравится. Музыка – это особый, удивительный мир чувств и мыслей. Но ведь это отражение чужих мыслей и чувств, Нельзя всегда довольствоваться отражением. Не можете же вы любить отражение женщины в зеркале, хотя это ее точная копия. Вам нужна живая плоть. Не знаю, понятно ли я говорю. Ну, в общем, мысли и чувства только тогда имеют настоящую цену, когда ты сам все это прочувствовал и продумал, а для этого нужно звать жизнь. Все испытать самому. Вас не раздражает моя болтовня?

– Нет, отчего же? – сказал Линьков. – Вам куда?

– К Политехническому. А вам?

– Примерно туда же. Если не возражаете, пройдем парком.

– С удовольствием! – просиял Папава. – А по дороге еще поговорим. Ладно?

В парке было сыро и нехорошо. Порывы ветра кружили вокруг оголенных стволов кучи опавших листьев. Линьков застегнул до верха пальто, а Папава поднял воротник и сунул в карманы озябшие руки.

– Вот вы сказали: «объездить весь свет», – продолжал он. – А что это за свет? Отели и концертные залы, а в перерывах между концертами изнурительная работа. Тут и света не увидишь. Нет, я мечтаю не об этом.

– О чем же? – с притворным участием спросил Линьков. Ему хотелось спать, да и прогулка оказалась не такой уж приятной.

– О чем? Пожалуй, больше всего о море. Романтике южных морей. Гавайские острова, девушки с венками из экзотических цветов, портовые кабачки, а в штормовые ночи – мокрый парус, рвущийся из рук где-нибудь на бом-брам-ре.

– Ну, знаете ли, – усмехнулся Линьков, – это уже вы загнули, девушки и кабачки – конечно неплохо, но при чем тут бом-брам-ре? Все это уже анахронизм, детские бредни.

– Конечно, – согласился Папава. – Всякая мечта – бредни. Что делать, когда мы живем в век реактивных лайнеров. Но мне кажется, что в человеке всегда…

Закончить ему не удалось. Из боковой аллеи вышли двое и преградили им дорогу.

– Закурить не найдется?

– Сам бы закурил, да все вышли, – ответил Линьков. Дальше все вышло неожиданно глупо. Деревья парка предстали перед ним в совершенно новом ракурсе, а сам он, ощущая тупую боль в подбородке, оказался лежащим на спине.

Линьков засмеялся. Его рассмешило, что он, спортсмен и землепроходец, попался на такой примитивный трюк. Он согнул колени, готовясь вскочить и обрушить на противника сокрушительный оперкот, чтобы навсегда отбить охоту к подобным развлечениям.

И в этот момент над его головой навис огромный ботинок, закрыв собой полнеба. Он почувствовал хруст ломающихся зубов и на мгновение перестал что-либо соображать. Когда же он снова открыл глаза, то ничего не увидел, кроме поднятой ноги, нацеленной для второго удара.

Линькову не раз приходилось драться, но это всегда была игра, подчиненная каким-то неписанным правилам, в ней не били лежачего и довольствовались капитуляцией противника. Здесь же, в этом ботинке, было что-то злобное и изуверское. Желание изуродовать, убить ни в чем невинного человека, воспользовавшись его беззащитным состоянием. Через несколько секунд он, Линьков, будет лежать здесь с проломленным носом и выбитым глазом, а ботинок будет наносить все новые и новые удары по лицу и голове...

Не страх смерти, а угроза оставаться навсегда уродом и калекой так ужаснула Линькова, что, скавшись в комок, а затем, разогнувшись, как пружина, он вскочил на ноги и бросился в кусты.

Пока он выплевывал кровь с обломками зубов, до него доносился топот, приглушенные ругательства и звуки ударов. Потом раздался протяжный крик, вправо метнулась чья-то тень, и Линьков услышал взъявшийся голос Папавы:

– Боря! Тут случилось черт те что! Я нагнулся, а он ножом прямо в своего дружка. Помогите мне, может не насмерть. Где вы, Боря??!

И тут случилось то, что потом Линьков не мог объяснить не только следователю, но и самому себе. Ступая с превеликой осторожностью, чтобы не хрустнула какая-нибудь ветка, он выбрался на дорогу и зашагал к дому.

Весь воскресный день Линьков лежал на диване, прикладывая к лицу холодные компрессы, а в понедельник явился в институт с распухшей губой и огромным кровоподтеком на щеке. Сослуживцам он рассказал, что, возвращаясь из гостей, подвергся нападению двух хулиганов и так их проучил, что долго будут помнить.

– Линьков может! – восхищенно сказала чертежница Соня своей подружке. – Это настоящий мужчина.

На следующий день ему позвонила Оля.

– Ты знаешь, – сказала она прерывающимся от слез голосом, – Папава арестован по обвинению в убийстве! Чушь какая-то! Говорят, в субботу в парке. Вы ведь вместе вышли. Тебе ничего не известно?

– В парке? – переспросил Линьков. – Не знаю, я с ним не был в парке. Мы расстались у Ланской.

– О, господи! Мать просто с ума сходит. Мы все пытаемся что-нибудь сделать. Позвони мне завтра, может, я узнаю поподробнее.

– Хорошо! – сказал Линьков. – Обязательно позвоню. Уверен, что тут явное недоразумение.

Он не позвонил, а через два дня уехал на неделю в Москву, выпросив у начальства какое-то пустяковое поручение.

Вскоре после его возвращения пришла первая повестка от следователя.

* * *

Линьков всегда приходил задолго до указанного часа и ждал в коридоре на жесткой скамейке рядом с омерзительно пахнувшей урной, полкой окурков. Ждал, пока напротив не открывалась дверь, обитая коричневой kleenкой, и следователь не говорил с порога:

– Заходите, Линьков!

В том, что этот седой, небрежно одетый человек с холодными, враждебными глазами называл его не «товарищ Линьков» и даже не «гражданин Линьков» было что-то унизительное, наводящее на мысль о тюремных камерах и исправительно-трудовых лагерях.

Вообще, следователь вел себя странно, совсем не так, как это бывает в кино и детективных романах, допрашивал Линькова он как-то нехотя, не скрывая своего презрения к нему, часто курил, подолгу задумывался, морща изуродованный шрамом лоб, и по несколько раз

возвращался к одному и тому же вопросу. У него была цепкая память на мелочи, и он часто указывал Линькову на неточности в его повторных показаниях, неточности, которые казались Линькову совсем несущественными. Линькову тоже мучительно хотелось курить, он как-то даже попросил разрешения, на что следователь сухо ответил:

– Тут не курилка.

Линькову приходилось рисовать схемы, обозначая крестиками и кружками места, где он лежал, где прятался, где, по его мнению, в это время находился Папава, а два раза следователь возил его в парк, где Линьков заново переживал свой позор.

Обычно следователь был вежлив и только раз вышел из себя. Случилось это, когда Линьков не глядя подписал протокол допроса.

– Почему не читаете? – спросил следователь.

Линьков в этот день устал больше обычного от бесконечно повторяющихся вопросов и равнодушно ответил:

– Я вам доверяю.

Следователь неожиданно покраснел, хлопнул, что есть силы, по столу левой рукой, на которой не хватало четырех пальцев, и заорал так, что у Линькова зазвенело в ушах.

– Мне нужно ваше доверие, как прыш на заднице! Вы обязаны проверить каждое слово, ведь от этого зависит судьба вашего товарища! Впрочем, – добавил он, внезапно успокоившись, – какой вы товарищ? Вы из тех, с кем, как говорится, в разведку не ходят.

Линьков сделал вид, будто читает свои показания, а тем временем думал, что вот этот человек, сидящий напротив, который в отцы ему годился, вероятно не раз ходил в разведку и с такой же брезгливой складкой у рта вонзал нож в спину часовому. На войне свои законы. Там не принято жалеть врага: если ты его не убьешь, он убьет тебя. Но разве бандит не тот же враг? Почему же, в таком случае, арестован Папава, который ни в чем не виноват, и так бесконечно тянется эта следственная карусель?

– Ну? – спросил следователь.

– Все правильно.

– Дайте вашу повестку.

Он проставил на повестке время и щелчком перебросил ее Линькову. Тот, выйдя в коридор, разорвал повестку, а клочки бросил в урну.

Сегодня, как обычно, следователь начал с вопросов, которые, по мнению Линькова, прямого отношения к делу не имели.

– Расскажите последовательно все, что вы делали в тот вечер, прия домой.

– Всего не помню.

– Постарайтесь вспомнить.

– Сначала умылся.

– Не сняв пальто?

– Нет, пальто я снял.

– А затем?

– Выпил водки.

– Сколько?

Линьков пожал плечами.

– Какое это имеет значение?

– Отвечайте на вопрос!

– Стакан.

– Значит, граммов двести?

– Да.

– Почему так много?

– Очень болела голова.

- А может, просто было стыдно?
- Нет, – задумчиво сказал Линьков, – тогда еще не было стыдно.
- А когда выпили, стало стыдно?
- Не знаю, нет, вероятно, это произошло потом.
- Когда?
- Не помню.

Следователь записал ответы и, закрыв глаза, откинулся на спинку стула. Было такое впечатление, что он думает о чем-то другом, не связанном с показаниями Линькова. Затем он потер виски и снова приступил к допросу:

- Скажите, Линьков, у вас дома есть телефон?
- Есть.
- А у Папавы?
- Не знаю, я же сказал, что видел его всего один раз.
- Но у вас есть общие знакомые, у которых вы могли это узнать?
- Да.
- Почему же вы этого не сделали? Могли бы позвонить и узнать что с ним.
- Не мог я этого сделать.
- Почему?
- Ну, не мог! – вскинул Линьков. – Вы мне и так уже всю душу разворотили! Когда вы меня перестанете мучить?!
- Вы на допросе! – прикрикнул следователь. – Потрудитесь взять себя в руки. Здесь никакие истерики вам не помогут.

Он вытащил из пачки сигарету и, зажав в правой руке коробок, этой же рукой зажег спичку.

Некоторое время оба они молчали.

- Так… – Следователь потушил сигарету и поднял глаза на Линькова. – Вы боксом когда-нибудь занимались?
- Занимался, еще в школе.
- Сколько времени?
- Год.
- Почему бросили?
- Не нравилось.
- Но все же умеете и ударить, и укрыться от удара?
- Умею.
- Почему же вы этим не воспользовались?
- Очевидно, я не боец, – вздохнул Линьков.
- А Папава боец?
- Выходит так.
- Он вам говорил, что у него есть нож?
- Нет, да и не может этого быть.
- Почему же? У грузин с детства любовь к холодному оружию. Национальная традиция.
- Нет, Папава не такой. Это музыкант, мечтатель.
- Одно другому не мешает. Кстати, второй хулиган задержан. Он упорно отрицает, что нож принадлежал ему.

Свидетель открыл ящик и выложил на стол самодельный нож с аляповатой рукояткой из плексигласа.

– Так в чьей, руке был этот нож?

От этого, поставленного в упор вопроса Линькова передернуло.

– Во всяком случае, не у Папавы. В конце концов, есть же, наверное, отпечатки пальцев.

– Отпечатки! – усмехнулся следователь. – Разве вы не знаете, что Папава вытащил нож раны, разорвал на себе рубашку, и только потом явился в милицию. Какие уж тут отпечатки! Хотя, знать об этом вы не можете, потому что в это время уже дома пили водку.

Линьков обхватил голову руками и застонал, как от нестерпимого приступа боли.

– Ладно! – сказал следователь. – Следствие, в общем, закончено. Теперь уже будете давать показания в суде. Вот, прочтите и распишитесь. Если хотите что-нибудь добавить, можете это сделать.

Линьков машинально взял протянутый лист. На мгновенье он представил себе свою роль в суде, презрительное внимание судей к его показаниям, холодную отчужденность публики, Олины глаза, и понял, что этой пытки ему не перенести.

– Я давал неверные показания, – сказал он хриплым голосом. – Все было не так. Я не прятался в кустах. Когда тот, второй замахнулся на Папаву ножом, я вырвал нож и ударил его, ну а потом...

Он сам содрогнулся от нелепости этого самооговора и связанных с ним чудовищных последствий, но страх как-то внезапно прошел под неожиданно потеплевшим взглядом следователя.

Первый раз за все время тот протянул Линькову сигареты. Затем подался вперед, положил беспалую ладонь на его руку и, улыбнувшись, сказал:

– Не врите, Линьков, я знаю, вы не такой человек, чтобы это сделать.

Ключик

Теперь все хотят жить в отдельных квартирах, это просто какое-то помешательство. А я думаю, что это неправильно. Если каждый забьется в свою нору, как барсук, то жить будет очень тяжело, потому что это только в капиталистическом мире человек человеку волк, а у нас должно быть наоборот, и люди должны жить в коммунальных квартирах.

Я все это поняла уже тогда, когда мы переехали в отдельную квартиру, и поняла из-за мелочи, из-за ключика.

Утром у нас внизу, в магазине давали полосатые чулки: синие в оранжевую полоску. Мне такие чулки страшно давно хотелось иметь, и я пошла в очередь. Правда, мне достались на два номера больше, чем нужно, но все равно я была очень счастлива, что у меня теперь есть такие модные чулки, и побежала скорее звонить Владику.

Я очень торопилась, потому что мне не только хотелось позвонить Владику, но и… ну, в общем, вы понимаете.

Я еле добежала до двери, сунула руку в сумочку, чтобы вынуть ключ, а его нет на месте. Я шарю в сумочке, а сама думаю, что же будет, если я его не найду. Знаете, такой совсем маленький ключик, раньше они назывались французскими, но это было еще тогда, когда булки тоже назывались французскими, а сейчас эти булки называются «городскими» и ключи тоже, наверное, иначе называются, может быть «любительскими» или «особыми», а может быть даже «столичными», Владик говорит, что это очень хорошее название.

Так вот, шарю я в сумочке, а ключа нет, наверное, потеряла в магазине когда платила за чулки. Стою я на площадке и думаю, что же будет. Конечно, я сама работаю в прачечной и Антонина Николаевна всегда разрешает нам если нужно что-нибудь простирнуть, но страшно неудобно будет перед девчонками, а потом еще придется брать такси, чтобы туда доехать, и шофер может догадаться отчего я, вдруг, взяла такси и тогда я умру от стыда.

«Нет, – думаю, – лучше я спущусь в магазин и поищу на полу ключик», – но только я это подумала, как почувствовала, что я просто на это неспособна, потому что до магазина нужно бежать минут пять и столько же обратно, а это очень долго, если что-нибудь нужно. Это когда ничего не нужно, то можно бегать в магазин и обратно, а когда что-нибудь нужно, то все расстояния кажутся такими огромными, что ты себе самой кажешься страшно маленькой.

Тогда я совсем отчаялась и позвонила в квартиру напротив. Мне открыла женщина, которую я часто вижу в молочном магазине, но она меня не знает, потому что мы все живем в новом доме и не перезнакомились еще.

Я очень обрадовалась, что мне открыла женщина, а не мужчина, потому что с женщиной легче говорить о таких вещах, и я ей на ухо сказала, что зайду на минутку, и она поняла, куда мне нужно, и спросила кто я, а я ей сказала, что живу напротив и часто вижу ее в молочном магазине, но не знакома с ней, потому что мы все живем в новом доме и еще не перезнакомились, а в это время по лестнице поднимался один симпатичный старичок с бородавкой на носу, которого я один раз видела, когда платила за квартиру, и женщина сказала этому старичку, что какие теперь пошли нахальные соседи, которые у себя в квартирах не следят за канализацией и бегают к чужим людям, а старичок покачал головой, и я думала, что умру от стыда, и помчалась вниз по лестнице, и мне уже все равно нужно было брать такси.

Когда я Капе рассказала про этот случай, она сказала, что такое может случиться и в коммунальной квартире, потому что у них, например, на одно место общего пользования приходится шестьдесят три жильца и вечно стоит очередь, но я ей возразила, что в нашем социалистическом обществе в таких случаях люди уступают очередь, потому что только в капиталистическом мире человек человеку волк, и все это оттого, что они живут в отдельных квартирах.

Белые жуки

Началом всему послужил знаменитый ураган Тапси.

Он возник в низких широтах Тихого океана, прошел над Полинезией и Индокитаем и всей своей мощью обрушился на отроги Килиманджаро. Здесь и следует искать причину событий, которые впоследствии чуть не приняли трагический оборот.

Горный обвал, вызванный ураганом, вскрыл гигантскую пещеру с полуразрушенным атомным реактором и останками того, что некогда могло быть лабораторией. Каменной лавиной был увлечен и странный сосуд из прозрачного материала, наполненный белыми крупинками, плававшими в розоватой жидкости.

Вероятно, сосуд был стеклянным, так как при падении он разбился, а его содержимое было втянуто в огромный смерч, двигавшийся с колоссальной скоростью.

Трудно установить причину, заставившую ураган резко повернуть на северо-восток. Во всяком случае, проходя над Западной Европой, ураган уже потерял первоначальную силу, и причиненные им разрушения были не особенно велики.

Получилось так, что почти вся площадь Западной Европы была засеяна мельчайшими белыми крупинками из разбившегося сосуда. Через некоторое время на полях Франции были обнаружены неизвестные науке белые жуки, поедающие посевы. Удалось установить, что откладываемые ими в землю яйца через пять суток превращаются в личинки, живущие под землей и пожирающие корни растений. Через десять суток личинки, минуя состояние куколки превращались в белых жуков, ведущих наземный образ жизни.

Известно, что широкая публика не читает журналов по энтомологии, и не удивительно поэтому, что статья французского энтомолога Жана Лефера, полная тревоги по поводу необычайной прожорливости жуков и личинок, а также быстрого темпа их размножения, прошла незамеченной.

Вскоре белые жуки были обнаружены в Германии и в Норвегии. Уже через месяц все газеты мира были полны сообщений о странной разновидности саранчи, грозящей погубить урожай.

Специальные комиссии, созданные правительствами многих государств, координировали свою деятельность по борьбе с таинственными жуками, но им ничего не удавалось сделать для их уничтожения.

Борьба с ними осложнялась тем, что, во-первых, они были нечувствительны к ядохимикатам, применявшимся против вредителей, а во-вторых, трудностью обнаружения личинок, прятавшихся глубоко под землей.

Вскоре в газетах появилось новое сенсационное сообщение: белые жуки, как показал тщательный анализ, проведенный Пастеровским институтом, не были живыми существами в полном смысле этого слова. Составлявшие их элементы не были ни сочетанием углеводородов, ни даже кремнийорганическими соединениями. Они представляли собой нечто вроде самовоспроизводящихся механизмов, обладающих подобием обмена веществ и использующих для этой цели органическую пищу. Впрочем, вскоре было установлено, что, кроме органической пищи, личинки используют и находящиеся в почве растворы солей различных металлов. Самым удивительным было то, что ни жуки, ни личинки не умирали естественной смертью. Кроме того, они выдерживали нагрев до шестисот градусов и продолжали жить при полном отсутствии пищи. При этом у них только приостанавливались процессы размножения.

Решение перекопать все поля не принесло никаких результатов. Извлеченные на поверхность личинки снова ушли под землю.

Жуки плодились с фантастической скоростью. Покончив с посевами, они принялись за скот. Перед человечеством вставала угроза голода.

Жуков жгли напалмом, обстреливали ракетами, но количество их не уменьшалось, а увеличивалось. Сотни миллионов квадратных километров земной поверхности были покрыты белой копошащейся массой. Казалось, что вся техника конца двадцатого столетия бессильна против этого дьявольского наваждения.

Однако самое худшее было еще впереди. Жуки начали штурм населенных пунктов. От их жертв не оставалось даже костей.

На всем земном шаре было объявлено чрезвычайное положение.

Решение пришло тогда, когда уже все казалось безнадежным.

Сейчас невозможно выяснить, кому оно принадлежало.

Было обнаружено, что движение жуков можно направлять при помощи электромагнитных полей. Специальные передвижные атомные электростанции, снабженные концентраторами поля, начали маневренную войну.

Свыше трех лет продолжалось это фантастическое сражение, пока все жуки не были загнаны в Каспийское море, где их уничтожили гигантскими ультразвуковыми излучателями.

До сих пор учёные Земли теряются в догадках относительно происхождения таинственных жуков. Многие считают, что это была тщательно подготовленная попытка уничтожить человечество для колонизации нашей планеты обитателями другого Мира. Эта точка зрения разделяется далеко не всеми. Известный кибернетик Топчинский полагает, что жуки были некогда завезены из Космоса для неизвестных нам целей. Вероятно, это произошло задолго до того, как на Землю появились наши предки.

Следует добавить, что истинный виновник, обрушившийся на Землю беды, забывший двадцать миллионов лат тому назад на заправочной космической станции сосуд с белыми крупинками, предназначенными для уничтожения кристаллических форм жизни на планете Убра, порождающей вирусы, опасные для всего живого в Космосе, погиб при столкновении ракеты с метеоритом при пересечении орбиты Сатурна.

Впрочем, он не мог предполагать, что изобретенные им жуки так легко приспособятся к органической пище.

ПЕТЛЯ ГИСТЕРЕЗИСА

Хранитель Времени был тощ, лыс и высокомерен. На его лице навсегда застыло выражение, какое бывает у внезапно разбуженного человека. Сейчас он с явным неодобрением глядел на мужчину лет тридцати, расположившегося в кресле напротив стола. Мощные контактные линзы из синеватого стекла придавали глазам незнакомца необычную голубизну и блеск. Это раздражало Хранителя, он не любил ничего необычного.

Посетитель обернулся на звук открывшейся двери. При этом два блика – отражение света настольной лампы – вспыхнули на поверхности линз.

Хранитель, не поворачивая головы, процедил:

– Принесите мне заявление… э…

– Курочкина, – подсказал посетитель, – Курочкина Леонтия Кондратьевича.

– Курочкина, – кивнул Хранитель, – вот именно Курочкина. Я это и имел в виду.

– Сию минуту! – Секретарша осторожно прикрыла за собой дверь.

Курочкин вынул из кармана куртки пачку сигарет и зажигалку.

– Разрешите?

Хранитель молча указал на пепельницу.

– А вы?

– Не курю.

– Никогда не курили? – спросил Курочкин просто так, чтобы заполнить паузу.

– Нет, дурацкая привычка!

– Гм… – Гость поперхнулся дымом.

Хранитель демонстративно уткнулся носом в какие-то бумаги. «Сухарь! – подумал Курочкин. – Заплесневевшая окаменелость. Мог бы быть повежливее с посетителями». Несколько минут он с преувеличенной сосредоточенностью пускал кольца.

– Пожалуйста! – Секретарша положила на стол Хранителя синюю папку с надписью: «Л.К.Курочкин». – Больше ничего не нужно?

– Нет, – ответил Хранитель, не поднимая головы. – Там, в приемной, еще кто-нибудь есть?

– Старушка, которая приходила на прошлой неделе. Ее заявление у вас.

– Экскурсия в двадцатый век?

– Да.

Хранитель поморшился, как будто у него внезапно заболел зуб.

– Скажите, что сейчас ничего не можем сделать. Пусть наведается через месяц.

– Она говорит… неуверенно начала секретарша.

– Я знаю все, что она говорит, – раздраженно перебил Хранитель. – Объясните ей, что свидания с умершими родственниками Управление предоставляет только при наличии свободных мощностей. Кроме того, я занят. Вот тут, – он хлопнул ладонью по папке, – вот тут дела поважнее. Можете идти.

Секретарша с любопытством взглянула на Курочкина и вышла.

Хранитель открыл папку.

– Итак, – сказал он, полистав несколько страниц, – вы просите разрешения отправиться в… э… в первый век?

– Совершенно верно!

– Но почему именно в первый?

– Здесь же написано. Хранитель снова нахмурился:

– Написано – это одно, а по инструкции полагается личная беседа. Сейчас, – он много-значительно взглянул на Курочкина… – вот сейчас мы и проверим, правильно ли вы все написали.

Курочкин почувствовал, что допустил ошибку. Нельзя с самого начала восстанавливать против себя Хранителя. Нужно постараться увлечь его своей идеей.

– Видите ли, – сказал он, стараясь придать своему голосу как можно больше задушевности, – я занимаюсь историей древнего христианства.

– Чего?

– Христианства. Одной из разновидностей религии, некогда очень распространенной на Земле. Вы, конечно, помните: инквизиция, Джордано Бруно, Галилей.

– А-а-а, – протянул Хранитель, – как же, как же! Так, значит, все они жили в первом веке?

– Не совсем так, – ответил ошарашенный Курочкин. – Просто в первом веке были заложены основы этого учения.

– Джордано Бруно?

– Нет, христианства.

Некоторое время Хранитель сидел, постукивая пальцами о край стола. Чувствовалось, что он колеблется.

– Так с кем именно вы хотите там повидаться? – прервал он, наконец, молчание.

Курочкин вздрогнул. Только теперь, когда дело подошло к самому главному, ему стала ясна вся дерзость задуманного предприятия.

– Собственно говоря, ни с кем определенно.

– Как?! – выпучил глаза Хранитель. – Так какого черта?..

– Вы меня не совсем правильно поняли! – Курочкин вскочил и подошел вплотную к столу. – Дело в том, что я поставил себе целью получить неопровергимые доказательства… ну, словом, собрать убедительный материал, опровергающий существование Иисуса Христа.

– Чье существование?

– Иисуса Христа. Это вымышленная личность, которую считают основоположником христианского учения.

– Позвольте, – Хранитель нахмурил брови, отчего его лоб покрылся множеством мелких морщин. Как же так? Если тот, о ком вы говорите, никогда не существовал, то какие же можно собрать доказательства?

– А почему бы и нет?

– А потому и нет, что не существовал. Вот мы с вами сидим здесь в кабинете. Это факт, который можно доказать. А если б нас не было, то и доказывать нечего.

– Однако же… – попытался возразить Курочкин.

– Однако же вот вы ко мне пришли, – продолжал Хранитель. – Мы с вами беседуем согласно инструкции, тратим драгоценное время. Это тоже факт. А если бы вас не было, вы бы не пришли. Мог ли я в этом случае сказать, что вы не существуете? Я вас не знал бы, а может, в это время вы бы в другом кабинете сидели, а?

– Позвольте, позвольте! – вскричал Курочкин. – Так же рассуждать нельзя, это софистика какая-то! Давайте подойдем к вопросу иначе.

– Как же иначе? – усмехнулся Хранитель. – Иначе и рассуждать нельзя.

– А вот как. – Курочкин снова достал сигарету и на этот раз закурил, не спрашивая разрешения. – Вот я к вам пришел и застал вас в кабинете. Так?

– Так, – кивнул Хранитель.

– Но могло бы быть и не так. Я бы вас не застал на месте.

– Если б пришли в неприемное время, – согласился Хранитель. – У нас тут на этот счет строгий порядок.

– Так вот, если вы существуете, то секретарша мне бы сказала, что вы просто вышли.

— Так...

— А если бы вас не было вообще, то она и знать бы о вас ничего не могла.

— Вот вы и запутались, — ехидно сказал Хранитель. — Если б меня вообще не было, то и секретарши никакой не существовало бы. Зачем же секретарша, раз нет Хранителя?

Курочкин отер платком потный лоб.

— Неважно, — устало сказал он, — был бы другой Хранитель.

— Ага! — Маленькие глазки Хранителя осветились торжеством. — Сами признали! Как же вы теперь будете доказывать, что Хранителя Времени не существует?

— Поймите, — умоляюще сказал Курочкин, — поймите, что здесь совсем другой случай. Речь идет не о должности, а о конкретном лице. Есть евангелические предания, есть более или менее точные указания времени, к которым относятся события, описанные в этих преданиях.

— Ну, и чего вам еще нужно?

— Проверить их достоверность. Поговорить с людьми, которые жили в это время. Важно попасть именно в те годы. Ведь даже Иосиф Флавий...

— Сколько дней? — перебил Хранитель.

— Простите, я не совсем понял...

— Сколько дней просите? Курочкин облегченно вздохнул.

— Я думаю, дней десять, — произнес он просительным тоном. — Нужно побывать во многих местах, и, хотя размеры Палестины...

— Пять дней.

Хранитель открыл папку, что-то написал размашистым почерком и нагнулся к настольному микрофону:

— Проведите к главному хронометристу на инструктаж!

— Спасибо! — радостно сказал Курочкин. — Большое спасибо!

— Только там без всяких таких штук, — назидательно произнес Хранитель, протягивая Курочкину папку. — Позволяете себе там черт знает что, а с нас тут потом спрашивают. И вообще воздерживайтесь.

— От чего именно?

— Сами должны понимать. Вот недавно один типчик в девятнадцатом веке произвел на свет своего прадедушку, знаете, какой скандал был?

Курочкин прижал руки к груди, что, по-видимому, должно было изобразить его готовность строжайшим образом выполнять все правила, и пошел к двери.

— Что ж вы сразу не сказали, что вас направил товарищ Флавий? — крикнул ему вдогонку Хранитель.

* * *

В отличие от Хранителя Времени создатель наградил главного хронометриста таким количеством волос, что часть из них, не уместившаяся там, где ей положено, прозябала на ушах и даже на кончике носа. Это был милейший человек, излучавший доброжелательность и веселье.

— Очень рад, очень рад! — сказал он, протягивая Курочкину руку. — Будем знакомы. Виссарион Никодимович Плевако.

Курочкин тоже представился.

— Решили попутешествовать? — спросил Виссарион Никодимович, жестом приглашая Курочкина занять место на диване.

Курочкин сел и протянул Плевако синюю папку.

— Пустое! — сказал тот, небрежно бросив папку на стол. — Формальности обождут! Куда же вы хотите отправиться?

– В первый век.

– Первый век! – Плевако мечтательно закрыл глаза. – Ах, первый век! Расцвет римской культуры, куртизанки, бои гладиаторов! Однако же у вас губа не дура!

– Боюсь, что вы меня не совсем правильно поняли, – осторожно заметил Курочкин. – Я не собираюсь посещать Рим, моя цель – исторические исследования в Иудее.

– Что?! – подскочил на стуле Плевако. – Вы отправляетесь в первый век и не хотите побывать в Риме? Странно!.. Хотя, – прибавил он, пожевав в раздумье губами, – может, вы и правы. Не стоит дразнить себя. Ведь на те несколько жалких сестерций, которые вам здесь дадут, не разгуляешься. Впрочем, – он понизил голос до шепота, – постарайтесь прихватить с собой несколько бутылок пшеничной. Огромный спрос во все эпохи. Только… – Плевако приложил палец к губам. – Надеюсь, вы понимаете?

– Понимаю, – сказал Курочкин. – Однако мне хотелось бы знать, могу ли я рассчитывать на некоторую сумму для приобретения кое-каких материалов, представляющих огромную историческую ценность.

– Например?

– Ну хотя бы древних рукописей.

– Ни в коем случае! Ни в коем случае! Это как раз то, от чего я должен вас предостеречь во время инструктажа.

Лицо Курочкина выражало такое разочарование, что Плевако счел себя обязанным ободряюще улыбнуться.

– Вы, наверное, первый раз отправляетесь в такое путешествие?

Курочкин кивнул.

– Понятно, – сказал Плевако. – И о петле гистерезиса ничего не слыхали?

– Нет, не слышал.

– Гм… Тогда, пожалуй, с этого и нужно начать. – Плевако взял со стола блокнот и, отыскав чистую страницу, изобразил на ней две жирные точки. Вот это, – сказал он, ткнув карандашом в одну из точек, – состояние мира в данный момент. Усваиваете?

– Усваиваю, – соврал Курочкин. Ему не хотелось с места в карьер огорчать такого симпатичного инструктора.

– Отлично! Вторая точка характеризует положение дел в той эпохе, которую вы собираетесь навестить. Согласны?

Курочкин наклоном головы подтвердил свое согласие и с этим положением.

– Тогда можно считать, – карандаш Плевако начертил прямую, соединяющую обе точки, – можно считать, что вероятность всех событий между данными интервалами времени лежит на этой прямой. Образно выражаясь, это тот путь, по которому вы отправитесь туда и вернетесь обратно. Теперь смотрите: предположим, там вы купили какую – то рукопись, пусть самую никчемную, и доставили ее сюда. Не правда ли?

– Да, – сказал заинтересованный Курочкин, – и что же?

– А то, что эту рукопись археологи могли разыскать, скажем, лет сто назад. – Плевако поставил крестик на прямой. – О ней были написаны научные труды, она хранится в каком-то музее и так далее. И вдруг, хлоп! Вы вернулись назад и притащили ее с собой. Что это значит?

– Минуточку! – сказал Курочкин. – Я сейчас соображу.

– И соображать нечего. Вся цепь событий, сопутствовавших находке рукописи, полетела вверх тормашками, и сегодняшнее состояние мира изменилось. Пусть хоть вот настолько, – Плевако намалевал еще одну точку рядом с первой. – Как это называется?

– Постойте! – Курочкин был явно обескуражен. Ему никогда не приходилось раньше думать о таких вещах.

— А называется это петлей гистерезиса, — продолжал Плевако, соединяя линией крестик с новой точкой. — Вот здесь, внутри этой петли, существует некая неопределенность, от которой можно ожидать всяких пакостей. Ну как, убедились?

— Убедился, — упавшим голосом сказал Курочкин. — Но что же вы рекомендуете делать? Ведь я должен доставить какие-то доказательства, а так, как вы говорите, то и шагу там ступить нельзя.

— Можно ступить, — сказал Плевако. — Ступить можно, только нужно очень осмотрительно действовать. Вот поэтому мы категорически запрещаем ввозить туда оружие и ограничиваем путешественников валютой, а то, знаете ли, всякая блажь может прийти в голову. Один скупит и отпустит на волю рабов, другой пристрелит Чингисхана в цветущем возрасте, третий рукописи какие-нибудь приобретет, и так далее. Согласны?

Курочкин был согласен, но от этого легче не стало, Экспедиция, которую он предвкушал с таким восторгом, поворачивалась к нему оборотной стороной.

Ни оружия, ни денег в далекой от современной цивилизации эпохе... Плевако, видимо, угадал его мысли. Он встал со стула и сел на диван рядом с Курочкиным.

— Ничего, ничего, — сказал он, положив руку ему на колено, — все не так страшно. Вашу личную безопасность мы гарантируем.

— Как же вы можете ее гарантировать?

— Очень просто. Что бы с вами ни случилось, обратно вы вернетесь живым и невредимым, это обеспечивается законом причинности. Петля гистерезиса не может быть больше некой предельной величины, иначе весь мир провалится в тартарары. Раз вы существуете в данный момент, значит существуете, независимо от того, как сложились дела в прошлом. Ясно?

— Не совсем. А если меня там убьют?

— Даже в этом случае, если не припрутся какие-нибудь особые обстоятельства. Вот в прошлом году был такой случай: один настырный старикашка, кажется палеонтолог, требовал отправить его в Юрский период. Куда он только не обращался! Ну, разрешили, а на следующий день его сожрал... этот... как его?.. — Плевако сложил ладони, приставил их ко рту и, выпучив глаза, изобразил захлопывающуюся пасть.

— Неужели динозавр?! — дрожащим голосом спросил Курочкин.

— Вот-вот, именно динозавр.

— Ну и что же?

— Ничего. В таких случаях решающее устройство должно было дать толчок назад на несколько минут до происшествия, а затем выдернуть путешественника, но вместо этого оно дернуло его вместе с динозавром, так сказать, во чреве.

— Какой ужас! — воскликнул Курочкин. — Чем же это кончилось?

— Динозавр оказался слишком большим, чтобы поместиться в камере хронопортации. Ошибка была исправлена автоматическим корректором, бросившим животное снова в прошлое, а старикашка был извлечен, но какой ценой?! Пришлось менять все катушки деполяризатора. Они не выдержали пиковой нагрузки.

— Могло же быть хуже! — сказал потрясенный Курочкин.

— Естественно, — согласился Плевако. — Мог перегореть главный трансформатор, там не такой уж большой запас мощности.

Несколько минут оба молчали, инструктор и кандидат в путешественники, обдумывая возможные последствия этого происшествия.

— Ну вот, — сказал Плевако, — теперь вы в общих чертах представляете себе технику дела. Все оказывается не таким уж сложным. Правда?

— Да, — неуверенно ответил Курочкин, пытаясь представить себе, как его, в случае необходимости, будут дергать из пасти льва. — А каким же образом я вернусь назад?

– Это уже не ваша забота. Все произойдет автоматически по истечении времени, если только вы не наделаете каких-нибудь глупостей, грозящих катастрофическим увеличением петли гистерезиса. В этом случае ваше пребывание в прошлом будет немедленно прервано. Кстати, на сколько дней вы получили разрешение?

– Всего на пять дней, – сокрушенno сказал Курочкин. – Просто не представляю себе, как за это время можно выполнить всю программу.

– А просили сколько?

– Десять дней.

– Святая простота! – усмехнулся Плевако. Нужно было просить месяц, получили бы десять дней. У нас всегда так. Ну ладно, теперь уже поздно что-нибудь предпринимать. Становитесь на весы.

Курочкин шагнул на площадку весов. Стрелка над пультом счетной машины показала 75 килограммов.

– Так! – Плевако набрал две цифры на табуляторе. – Какая дата?

– Чего? – не понял Курочкин.

– В когда точно хотите отправиться?

– Тридцатый год нашей эры.

– Тридцатый год, тридцатый год, – промурлыкал Плевако, нажимая клавиши.

– Координаты?

– Координаты? – Курочкин вынул карманный атлас. – Пожалуй, что-нибудь вроде тридцати двух градусов пятидесяти минут северной широты и... – Он нерешительно пошарил пальцем по карте. – И тридцати пяти градусов сорока минут восточной долготы. Да, пожалуй, так!

– Какой долготы? – переспросил Плевако.

– Восточной.

– По Гринвичу или Пулкову?

– Гринвичу.

– Отлично! Координаты гарантируем с точностью до трех минут. В случае чего, придется там пешочком. Понятно?

– Понятно.

Плевако нажал красный клавиш сбоку машины и подхватил на лету выскошивший откуда-то картонный жетон, испещренный непонятными знаками.

– Желаю успеха! – сказал он, протягивая жетон Курочкину. – Сейчас подниметесь на двенадцатый этаж, отдел пять, к товарищу Казановаку. Там вам подберут реквизит. А затем на первый этаж в сектор хронопортации. Жетон отдадите им. Вопросы есть?

– Вопросов нет! – бодро ответил Курочкин.

– Ну, тогда действуйте!

* * *

Курочкин долго бродил по разветвляющимся коридорам, прежде чем увидел дверь с надписью:

5-й отдел
ВРЕМЕНА И НРАВЫ

– Товарищ Казановак? – спросил он у человека, грустно рассматривающего какую-то тряпичку.

Тот молча кивнул.

– Меня сюда направили... – начал Курочкин.

— Странно! — сказал Казановак. — Я никак не могу понять, почему все отделы могут работать ритмично, и только во «Времена и Нравы» сыпятся посетители, как в рог изобилия? И никто не хочет считаться с тем, что у Казановака не две головы, а всего лишь одна!

Смущенный новой для него интерпретацией свойств рога изобилия, Курочкин не нашелся, что ответить. Между тем Казановак отвел от него взгляд и обратился к девице лет семнадцати, сидевшей в углу за пультом:

— Маша! Какая же это набедренная повязка древнего полинезийца?! Это же плавки мужские безразмерные, двадцатый век. Пора уже немножко разбираться в таких вещах!

— Разбираюсь не хуже вас! — дерзко ответила девица.

— Как это вам нравится? — обратился Казановак непосредственно к Курочкину. — Нынешняя молодежь!

Курочкин изобразил на своем лице сочувствие.

— Попробуйте снова набрать индекс, — продолжал Казановак. — Тринадцать эм дробь четыреста тридцать один.

— У меня не десять рук! — огрызнулась Маша. Вот наберу вам копье, потом займусь повязкой.

По-видимому, дела, которые вершил отдел «Времена и Нравы», были под силу только мифическим десятируким, двуглавым существам. Однако не прошло и трех минут, как полутивший и копье и повязку. Казановак снова обернулся в сторону Курочкина:

— Чем могу служить?

— Мне нужно подобрать реквизит.

— Куда именно?

— Издея, первый век.

На какую-то долю секунды в бесстрастных глазах Казановака мелькнула искорка одобрения. Он придинул к себе лежавший на столе толстый фолиант и, послюнив палец, начал листать страницы.

— Вот!

Курочкин подошел к столу и взглянул через плечо Казановака на выцветший рисунок, изображавший человека в длинном лапсердаке, с ермолкой на голове, обутого в старинные штиблеты с резинками.

— Ну как, смотрится? — самодовольно спросил Казановак.

— Боюсь, что не совсем, — осторожно ответил Курочкин. — Мне кажется, что это... несколько более поздняя эпоха.

— Ага! — Казановак снова послюнил палец. — Я уже знаю, что вам нужно. Полюбуйтесь!

На этот раз на рассмотрение Курочкина был представлен наряд бухарского еврея. Однако и этот вариант был отвергнут.

— Не понимаю! — В голосе Казановака прозвучала обида. — Какой же костюмчик вы себе в конце концов мыслите?

— Что-нибудь... — Курочкин задумался. — Что-нибудь, так сказать, в библейском стиле. Ну, скажем, белая холщовая рубаха...

— Холщовых нет, — сухо сказал Казановак, только синтетика.

— Ну, пусть синтетика, — печально согласился Курочкин.

— Еще что?

— Дальше — хитон, тоже желательно белый.

— Что такое хитон? — поинтересовалась Маша.

— Хитон это... Как вам объяснить? Такое одеяние, похоже на плащ, только свободнее.

После долгих поисков в одном из каталогов было обнаружено нечто белое с капюшоном, закрывающим лицо и снабженным прорезями для глаз.

— Подходит?

– Как будто подходит, – нерешительно подтвердил Курочкин.
– Маша, набери!

Маша набрала шифр, и лента транспортера доставила откуда-то снизу аккуратно перевязанный пакет.

– Примерьте! – сказал Казановак, разрезая ножиком бечевку.

Глаза, прикрытые контактными линзами, в обрамлении капюшона выглядели столь необычно, что Маша захочала:

– Ой, не могу! Умора!

– Ничего смешного нет! – одернул ее Казановак. – Очень практичная одежда для тамошнего климата. И головного убора не нужно, защищает от солнечных лучей. Не хотите, можете откинуть на плечи. Хитончик – первый сорт, совсем новый. Наклейку разрешается сорвать.

Курочкин нагнулся и отодрал от подола ярлык с надписью: «Театральные мастерские. Наряд кудесника. Размер 50, рост 3. 100 % нейлона».

– Так… – Казановак оглядел его с ног до головы. – Какая обувь?

– Сандалии.

Выбор сандалий не представлял труда. По совету Маши остановились на толстых рубачатых подошвах из пластика, украшенных позолоченными ремешками.

– Носочки свои оставите или подобрать? – спросил Казановак.

– Нет, сандалии носят на босу ногу.

– Кальсоны, трусы или плавки? – поинтересовалась Маша.

– Не знаю, – растерянно сказал Курочкин. – Может быть, лучше набедренную повязку?

– Можно и повязку. А вы умеете ее повязывать?

– Тогда лучше плавки, – поспешил ответил Курочкин, устрашенный перспективой прохождения инструктажа у такой решительной особы.

– Как хотите.

– Переодевайтесь! – Казановак указал ему на кабину в глубине комнаты. – Свои вещички свяжите в узелок. Получите их после возвращения. Спустя несколько минут Курочкин вышел из примерочной во всем великолепии нового наряда.

– Ну как? – спросил он, поворачиваясь кругом.

– Впечатляет! – сказала Маша. – Если бы я ночью такого увидела, честное слово, родила бы со страха.

– Ну вот, – сказал Казановак, – теперь – индивидуальный пакет, и можете смело отправляться. – Он пошарил в ящике стола и извлек оттуда черную коробочку. – Получайте!

– Что тут? – поинтересовался Курочкин.

– Обычный набор. Шприц-ампула комплексного антибиотика, мазь от насекомых и одна ампула противошоковой сыворотки. На все случаи жизни. Теперь все!

– Как все, а деньги? – спросил обескураженный Курочкин.

– Какие еще деньги?

– Полагаются же какие-то суточные, на самые необходимые расходы.

– Суточные?

Казановак почесал затылок и углубился в изучение какой-то книги. Он долго вычислял что-то на бумаге, рылся в ящике стола, сокрушенno вздыхал и снова писал на бумаге колонки цифр. Наконец, жестом ростовщика он выбросил на стол горсть монет.

– Вот, получайте! На четыре дня – двадцать динариев.

– Почему же на четыре?

– День отбытия и день прибытия считаются за один день, – пояснил Казановак.

Курочкин понятия не имел, что это за сумма.

– Простите, – робко спросил он, – двадцать динариев – это много или мало? То есть я хотел спросить… в общем я не представляю себе…

– Ну, копей царя Соломона вы на них не купите, но прокормиться хватит, – ответил Казановак, обнаружив при этом недюжинное знание экономической ситуации на Ближнем Востоке в эпоху римского владычества. – Все?

– Еще две бутылки водки, – попросил Курочкин, вспомнив совет Плевако. – Если можно, то пшеничной.

– Это еще зачем? Курочкин замялся:

– Видите ли, – сказал он лживым голосом, – экипировка у меня очень легкая, а ночи там холодные.

– Маша, одну бутылку!

– Но почему одну? – вступил в пререкания Курочкин.

– Не такие уж там холодные ночи, – резонно ответил Казановак. Расторопная Маша принесла и водку. Курочкин поднялся и растрепанно оглянулся по сторонам.

– Извините, еще один вопрос: а куда все это можно сложить?

– Маша, достань чемодан!

– Нет, нет! – поспешил возразил Курочкин. – Чемодан – это не та эпоха. Нельзя ли что-нибудь более подходящее?

– Например?

– Ну, хотя бы суму.

– Суму? – Казановак придинул к себе справочник. – Можно и суму. Предложенный ассортимент сумок охватывал весь диапазон от необъятных кожаных ридикюлей, какие некогда носили престарелые гувернантки, до современных сумочек для театра из ароматного пластика. Курочкин выбрал голубую прорезиненную сумку с длинным ремнем через плечо, украшенную шпильками зданий и надписью: «Аэрофлот». Ничего более подходящего не нашлось.

– Теперь, кажется, все, – облегченно вздохнул он.

– Постойте! – закричала Маша. – А грим? Вы что, с такой рожей в первый век собираетесь?

– Маша! – Казановак укоризненно покачал головой. – Нельзя же так с клиентом.

Однако все согласились, что грим действительно необходим. Казановак рекомендовал скромные пейсы, Маша настаивала на длинной прямоугольной ассирийской бороде, завитой красивыми колечками, но Курочкин решительно потребовал раздвоенную бородку и локоны, ниспадающие на плечи. Эти атрибуты мужской красоты больше гармонировали с его нарядом.

Маша макнула кисть в какую-то банку, обильно смазала kleem лицо и голову Курочкина и прилепнула пахнущие мышами парик и бороду.

– Просто душка! – сказала она, отступив два шага назад.

– А они… того… не отклеятся? – спросил Курочкин, выплевывая попавшие в рот волосы.

– Можете не сомневаться! – усмехнулся Казановак. – Зубами не отдерете. Вернетесь, Маша отклейт.

– Ну, спасибо! – Курочкин вскинул на плечо сумку и направился к двери.

– Подождите! – остановил его Казановак. – А словари, разговорники не требуются?

– Нет, – гордо ответил Курочкин. – Я в совершенстве владею арамейским и древнееврейским.

– Тогда распишитесь за реквизит. Вот здесь и здесь, в двух экземплярах.

* * *

– Ничего не забыли? – спросил лаборант, высунув голову через форточку, какой раньше отделяли кассиров от остальных представителей греческого человеческого рода.

– Сейчас проверю. – Курочкин открыл сумку и в темноте нашупал пачку сигарет, зажигалку, индивидуальный пакет и бутылку. – Минуточку! – Он пошарил в поисках рассыпавшихся монет. – Кажется, все!

– Тогда начинаем, лежите спокойно!

До Курочкина донесся звук захлопнувшейся дверцы. На стене камеры зажглось множество разноцветных лампочек. Курочкин поудобнее устроился на гладкой холодной поверхности лежака. То ли от страха, то ли по другой причине, его начало мутить. Где-то над головой медленно и неуклонно нарастал хватающий за сердце свист. В бешеном ритме замигали лампочки. Вспыхнула надпись:

СПОКОЙНО! НЕ ДВИГАТЬСЯ, ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА!

Лежак начал вибрировать выматывающей мелкой дрожью. Курочкин машинально прижал к себе сумку, и в этот момент что-то оглушительно грохнуло, рассыпалось треском, ослепило через закрытые веки фиолетовым светом и, перевернув на живот, бросило его в небытие...

* * *

Курочкин открыл глаза и закашлялся от набившегося в рот песка. Приподнявшись на четвереньки, он огляделся по сторонам. Прямо перед ним расстилалась мертвая, выжженная солнцем пустыня. Слева, в отдалении – гряда гор, справа озеро. Несколько людей, казавшихся отсюда совсем маленькими, копошились на берегу.

Курочкин встал на ноги, отряхнулся и, прихватив сумку, направился к озеру.

Хождение в сандалиях на босу ногу по горячему песку оказалось куда более неприятным делом, чем это можно было себе представить, сидя в уютном помещении отдела «Времена и Нравы». Песок обжигал, набивался между ступнями и подошвами, прилипал к размякшим от жары ремешкам, отчего те сразу приобретали все свойства наждачного полотна.

Курочкину пришлось несколько раз присаживаться, вытряхивать песок из сандалий и обтирать ноги полою хитона, раньше чем ему удалось добраться до более или менее твердого грунта на берегу.

Его заметили. Весь облик человека в странном одеянии, с сумкой на плече, идущего журавлинным шагом, был столь необычен, что трое рыбаков, чинивших на берегу сеть, бросили работу и с интересом наблюдали за приближением незнакомца.

– Уф! – Курочкин плюхнулся рядом с ними на песок и стащил с ног злополучные сандалии. – Ну и жарища!

Поскольку эта фраза была произнесена по-русски, она не вызвала никакого отклика у рыбаков, продолжавших разглядывать экипировку путешественника во времени.

Однако Курочкин не зря был представителем науки, ставшей радость познания вышеличных неудобств.

– Мир вам, добрые люди! – сказал он, переходя на древнееврейский, в надежде, что чисто библейский оборот речи несколько скрасит дефекты произношения. – Шолом алайхем!

– Шолом! – хором ответили рыбаки.

– Рыбку ловите? – спросил Курочкин, соображая, как же лучше завести с ними разговор на интересующую его тему.

– Ловим, – подтвердил высокий, широкоплечий рыбак.

– Как уловы? План выполняете?

Рыбак ничего не ответил и занялся сетью.

– Иаков! Иоанн! – обратился он к сыновьям. – Давай, а то дотемна не управимся!

– Сейчас, отец! – ответил тот, кого звали Иаковом. – Видишь, с человеком разговариваем!

– Ради бога, не обращайте на меня внимания, – смутился Курочкин. – Занимайтесь своим делом, а я просто так, рядышком посижу.

– Ничего, подождет, – сказал Иоанн, – а то мы, сыновья Зеведеевы, и так притча во языщех, с утра до ночи вкалываем. А ты откуда сам?

– Я?.. Гм… – Курочкин был совершенно не подготовлен к такому вопросу.

– Я… в общем… из Назарета, – неожиданно выпалил он.

– Из Назарета? – В голосе Иоанна звучало разочарование. – Знаю я Назарет. Ничего там нету хорошего. А это тоже в Назарете купил? – ткнул он пальцем в нейлоновый хитон.

– Это? Нет, это в другом месте, далеко отсюда.

– В Ерушалаиме?

– Да.

Иоанн пощупал ткань и присоединился к отцу. За ним неохотно поплелся Иаков. Курочкин глядел на лодки в озере, на покрытые виноградниками холмы и внезапно почувствовал страх. Невообразимая дистанция в два тысячелетия отделяла его от привычного мира, который казался сейчас таким заманчивым.

Что ожидает его здесь, в полудикой рабовладельческой стране? Сумеет ли он найти общий язык с этими примитивными людьми? Стоила ли вообще вся затея связанного с нею риска? Он вспомнил про старичка, проглощенного динозавром.

Кто знает, не ждут ли его самого еще более тяжкие испытания? Мало ли что может случиться? Побьют камнями, распнут на кресте. Бр-р-р! От одной мысли о таком конце его пробрала дрожь. Однако теперь уже поздно идти на попятный. Отпущененный Хранителем срок нужно использовать полностью.

– Скажите, друзья, – обратился он к рыбакам, – не приходилось ли вам слышать о человеке по имени Иисус?

– Откуда он? – не поднимая головы, спросил Зеведей.

– Из Назарета.

– Твой земляк? – поинтересовался Иоанн.

– Земляк, – неохотно подтвердил Курочкин. Он не мог себе простить, что выбрал для рождения такое одиозное место.

– Чем занимается?

– Проповедует.

– Не слыхал, – сказал Зеведей.

– Постой! – Иаков перекусил зубами бечевку и встал. – Кажется, Иуда рассказывал. В прошлом году ходил один такой, проповедовал.

– Верно! – подтвердил Иоанн. – Говорил. Может, твой земляк и есть?

Курочкина захлестнула радость удачи. Он и мечтать не мог, что его поиски так быстро увенчиваются успехом, и хотя это в корне противоречило его научной концепции, в нем взыграл дух исследователя.

– Иуда? – переспросил он дрожащим от волнения голосом. – Скажите, где я могу его увидеть. Поверьте, что его рассказ имеет огромное значение!

– Для чего? – спросил Зеведей.

– Для будущего. Две тысячи лет люди интересуются этим вопросом. Пожалуйста, сведите меня с этим человеком!

– А вон он, – Иаков указал на лодку в озере, сети ставит. Может, к вечеру вернется.

– Нет, – сказал Иоанн. – У них вчера улов хороший был, наверное, в Капернаум пойдут, праздновать.

– Ну, сделайте одолжение! – Курочкин молитвенно сложил руки на груди. – Отвезите меня к нему, я заплачу.

– Чего там платить! – Зеведей поднялся с песка. – Сейчас повезем сеть, можно дать крюк.

— Спасибо! Огромное спасибо! Вы не представляете себе, какую услугу оказываете науке! — засуетился Курочкин, натягивая сандалии и морщась при этом от боли. — Вот проклятье! — Он с яростью отбросил рифленую подошву с золочеными ремешками. — Натерли, подлые, теперь жжет, как крапива! Придется босиком...

Сунув под мышку сандалии и сумку, он направился к лодке, которую тащил в воду Зеведей.

— Оставь здесь, — посоветовал Иаков. — И суму оставь, никто не возьмет, а то ненароком намочишь. Совет был вполне резонным. В лодке отсутствовали скамейки, а на дне плескалась вода. Курочкин вспомнил про единственную пачку сигарет, хранившуюся в сумке, и сложил свое имущество рядом с тряпьем рыбаков.

— Ну, с богом!

Иоанн оттолкнулся веслом и направил лодку на середину озера.

— Эй, Иуда! — крикнул он, когда они поравнялись с небольшим челном, в котором сидели два рыбака. Тебя хочет видеть тут один... из Назарета!

Курочкин поморщился. Кличка «назаретянин», видно, прочно пристала к нему. Впрочем, сейчас ему было не до этого.

— А зачем? — спросил Иуда, приложив рупором ладони ко рту.

— Да подгребите ближе! — нетерпеливо произнес Курочкин. — Не могу же я так, на расстоянии.

Иоанн несколькими сильными взмахами весел подвел лодку к борту челна.

— Он ищет проповедника, земляка. Вроде ты видел такого...

— Видал, видал! — радостно закивал Иуда. — Вон и Фома видел, — указал он на своего напарника. Верно, Фома?

— Как же! — сказал Фома. — Ходил тут один, проповедовал.

— А как его звали? — спросил Курочкин, задыхаясь от волнения. — Не Иисус Христос?

— Иисус? — переспросил Иуда. — Не, иначе как-то. Не помнишь, Фома?

— Иоанн его звали, — сказал Фома. — Иоанн Предтеча, а не Иисус. Все заставлял мыться в речке. Скоро, говорит, мессия придет, а вы грязные, вонючие, вшивые, как вы перед лицом господа бога вашего такие предстанете?

— Правильно говорил! — Курочкин втянул ноздрями воздух. Запахи, источаемые его собеседниками, мало походили на легендарные аравийские ароматы.

— Правильно говорил ваш Иоанн, — повторил он, сожалея, что мазь от насекомых осталась в сумке на берегу. — Чему же он еще учил?

— Все больше насчет мессии. А этот твой Иисус что проповедует?

— Как вам сказать... — Курочкин замялся. — Ну, он в общем проповедовал любовь к ближнему, смижение в этом мире, чтобы заслужить вечное блаженство на небесах.

— Блаженство! — усмехнулся Фома. — Богатому всюду блаженство, что на земле, что на небесах, а нищему везде худо. Дурак твой проповедник! Я б его и слушать не стал.

Курочкина почему-то взяла обида.

— Не такой уж дурак, — ответил он, задетый тоном Фомы. — Если бы он был дураком, за ним не пошли бы миллионы людей, лучшие умы человечества не спорили бы с церковниками о его учении. Нельзя все так упрощать. А насчет нищих, так он сказал: «Блаженны нищие, ибо их есть царствие небесное».

— Это как же понимать? — спросил Иаков.

— А очень просто. Он пояснял, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому человеку попасть в рай.

— Вот это здорово! — хлопнул себя по ляжкам Иоанн. — Как, говоришь? В игольное ушко?! Ну, удружили! Да я б такого проповедника на руках носил, ноги бы ему мыл!

Богатый опыт истории научного атеизма подсказал Курочкину, что его лекция об основах христианского учения воспринимается не совсем так, как следовало бы, и он попытался исправить положение.

– Видите ли, – обратился он к Иоанну, – философия Христа очень реакционна. Она – порождение рабовладельческого строя. Отказ от борьбы за свои человеческие права приводил к узаконению взаимоотношений между рабом и его господином. Недаром Христос говорил: «Если тебя ударят по левой щеке, подставь правую».

– Это еще почему? – спросил Зеведей. – Какой же болван будет подставлять другую щеку? Да я бы как размахнулся!

– Непротивление злу, – пояснил Курочкин, один из краеугольных камней христианства. Считается, что человек, который не отвечает на зло злом, спасает тем самым свою душу. Немудрено, что ослепленные этим учением люди шли на смерть во имя господа бога.

– На смерть? – усомнился Фома. – Ну уж это ты того... заврался!

– Ничего не заврался! – запальчиво ответил Курочкин. – Сколько народа гибло на аренах Рима! Если не знаешь, так и не болтай по-пустому!

– Зачем же они шли на смерть?

– Затем, что во все времена человек не мог примириться с мыслью о бренности всего сущего, а Христос обещал каждому праведнику вечное блаженство, учил, что наше пребывание на земле – только подготовка к иной жизни там, на небесах.

– Н-да! – сказал Иуда. – Дело того стоит! А чудеса он являл какие-нибудь, твой Христос?

– Являл. Согласно преданиям, он воскрешал мертвых, превращал воду в вино, ходил по воде, как по сухе, изгонял бесов, на него сходил святой дух.

Все это, конечно, реминисценции других, более отдаленных верований.

– Чего? – переспросил Иуда. – Как ты сказал? Риме...

– Реминисценции.

– А-а-а! Значит, из Рима?

– Частично христианство восприняло некоторые элементы греческой и римской мифологии, частично египетского культа, но в основном оно сложилось под влиянием заветов Моисея, которые являются тоже не чем иным, как мистификацией, попыткой увести простой народ от...

– А твой Христос чтит закон Моисея? – перебил Иаков.

– Читит.

– Значит, праведный человек!

Прошло еще не менее часа, прежде чем Курочкину удалось удовлетворить любопытство слушателей, забывших о том, что нужно ставить сети.

Багровый диск солнца уже наполовину зашел за потемневшие вершины гор. Курочкин взглянул на запад, и два ярких огненных блика загорелись на его линзах. Сидевший напротив Иаков ахнул и отшатнулся. От резкого движения утлая ладья накренилась и зачерпнула бортом воду.

С криком «Так я и знал!» Курочкин вскочил, но, запутавшись в балахоне, полетел вперед, боднул в живот Зеведея, пытавшегося выпрямить крен, и все оказались в воде.

Леденящий ужас сковал не умеющего плавать Курочкина.

Однако не зря Казановак комплектовал реквизит лучшими образцами швейной промышленности. Необъятный балахон из нейлоновой ткани надулся исполинским пузырем, поддерживая своего владельца в вертикальном положении.

Вскоре, осмелевший от такого чудесного вмешательства судьбы, Курочкин даже начал размахивать руками и давать советы рыбакам; как совладать с лодкой, которая плавала вверх килем. В конце концов, подтянутый багром Фомы христов следопыт снова водрузился в лодку, направившуюся к берегу.

В общем, все обошлось благополучно, если не считать потерянной сети, о которой больше всего горевал Зеведей.

— Скажи, — спросил он, нахмурив брови, — если ты знал, что лодка перевернется, то почему не предупредил? Я бы переложил сеть к Иуде.

— Я не знал, честное слово, не знал! — начал оправдываться Курочкин.

— Ты же сам сказал, — вмешался Иоанн, — крикнул: «Так я и знал!»

Курочкин взглянул на здоровенные кулаки рыбаков, и у него засосало под ложечкой.

— Видишь ли, — дипломатично начал он, обдумывая тем временем какое-нибудь объяснение, — я не мог тебя предупредить.

— Почему?

— Потому что... потому что это тебе бог посыпал испытание, — нахально вывернулся Курочкин, — испытывал тебя в беде.

— Бог? — почесал в затылке Зеведей. Кажется, аргумент подействовал.

— Бог! — подтвердил, совершенно обнаглев, Курочкин. — Он и меня испытывал. Я вот плавать не умею, но не возроптал, и он не дал мне утонуть.

— Верно! — подтвердил Иаков. — Я сам видел, как этот назаретянин шел в воде и еще руками размахивал, а там знаешь как глубоко?

— Гм... — Зеведей сокрушенно покачал головой и начал собирать сучья для костра.

Солнце зашло, и с озера поднялся холодный ветер. У промокших рыбаков зуб на зуб не попадал. Один лишь Курочкин чувствовал себя более или менее сносно. Спасительная синтетическая ткань совершенно не намокла.

Зеведей разжег костер и, приладив перед огнем сук, развесил на нем промокшую одежду. Его примеру последовали Иоанн и Иаков.

— А ты чего?

— Спасибо! — сказал Курочкин. — Я сухой.

— Как это сухой? — Иоанн подошел к нему и пощупал балахон. — Верно, сухой! Как же так? Курочкин промолчал.

— Нет, ты скажи, отчего ты не промок? — настаивал Иоанн. — Мы промокли, а ты нет. Ты что, из другого теста сделан?!

— А если и из другого?! — раздраженно сказал Курочкин. Он все еще испытывал лихорадочное возбуждение от своего чудесного спасения. — Чего вы пристали?!

— Так чудо же!

Курочкину совсем не хотелось пускаться в объяснения. Запустив руку в сумку, он нашел бутылку водки, отвинтил пробку и, сделав основательный глоток, протянул ее Иоанну.

— На, лучше выпей!

Тот поднес к огню бутылку и разочарованно крякнул:

— Вода... Сейчас бы винца!

— Пей! — усмехнулся Курочкин. — Увидишь, какая это вода. Иоанн глотнул, выпучил глаза и закашлялся.

— Ну и ну! — сказал он, протягивая бутылку Иакову. — Попробуй!

Иаков тоже хлебнул.

— Эх, лучше старого тивериадского!

Прикончил бутылку Зеведей.

Вскоре подъехал челн с Фомой и Иудой. Они тоже присели у костра. После водки Курочкина потянуло в сон. Прикрыл глаза, он лежал, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение счастливо минувшей опасности.

В отдалении о чем-то совещались рыбаки.

— Это он! — взволнованно прошептал Иоанн. — Говорю вам, это он! По воде, как по сушке, это раз, пророчествует — два, воду в вино превращает — три! Чего вам еще!

— А взгляд светел и страшен, — добавил Иаков. И впрямь он, Мессия!

Между тем слегка захмелевший Мессия сладко посапывал, повернувшись спиной к огню. Во сне он наносил с кафедры смертельный удар в солнечное сплетение отцам церкви. Никаких следов пребывания Иисуса Христа в этой крохотной стране не обнаруживалось.

* * *

На следующее утро, чуть свет, Фома с Иудой отправились в Капернаум. Зеведей с сыновьями остались ждать пробуждения Курочкина. Тот, продрав глаза, попросил было чаю, но рыбаки о таком и не слыхали. Пришлось ограничиться глотком воды.

За ночь натертые ноги распухли и покрылись струпьями. Ступая по горячему песку, Курочкин поминутно взвизгивал и чертыхался.

Не оставалось ничего другого, как соорудить из весел подобие носилок, на которых Иоанн с Иаковом понесли Мессию, державшего в каждой руке по сандалии.

Весть о новом проповеднике из Назарета распространилась по всему городу, и в синагоге, куда доставили Курочкина, уже собралась большая толпа любопытных. Его сразу засыпали вопросами.

Не прошло и получаса, как Курочкин совершенно выбился из сил. Его мучило от голода, однако, судя по всему, о завтраке никто не помышлял.

— Скажите, — спросил он, обводя взглядом присутствующих, — а перекусить у вас тут не найдется? Может, какой-нибудь буфетик есть?

— Как же так? — спросил пожилой еврей, давно уже иронически поглядывавший на проповедника. — Разве ты не чтишь закон Моисея, запрещающий трапезы в храме? Или тебе еще нету тринадцати лет? Однако старому догматику не под силу было тягаться с кандидатом исторических наук.

— А разве ты не знаешь, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? — ловко отпарировал эрудированный Курочкин. — Как он вошел в дом божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам. Осия, глава шесть, стих шестой, — добавил он без запинки.

Блестящее знание материала принесло свои плоды Молодой служка, пощипав в нерешительности бородку, куда-то отлучился и вскоре вернулся с краюхой хлеба.

Пока Курочкин, чавкая и глотая непрожеванные куски, утолял голод, толпа с интересом ждала, что развернется небеса и гром поразит нечестивца.

— Ну вот! Курочкин собрал с колен крошки и отправил их в рот. — Теперь можем продолжить нашу беседу. Так на чем мы остановились?

— Насчет рабов и войн, — подсказал кто-то.

— Совершенно верно! Рабовладение, так же как и войны, является варварским пережитком. Когда-нибудь человечество избавится от этих язв, и на земле наступит настоящий рай, не тот, о котором вам толкуют книжники и фарисеи, а подлинное равенство свободных людей, век счастья и изобилия.

— А когда это будет? — спросил рыжий детина. Курочкин и тут не растерялся. Ему очень не хотелось огородить слушателей огромным сроком в двадцать столетий.

— Это зависит от нас с вами, — прибег он к обычному ораторскому приему. — Чем быстрее люди проведут необходимые социальные преобразования, тем скорее наступит счастливая жизнь.

— А чего там будет? — не унимался рыжий.

— Все будет. Построят большие удобные дома с холодной и горячей водой. Дров не нужно будет запасать, в каждой кухне будут такие горелки, чирк! И зажегся огонь.

— Это что же, дух святой будет к ним сходить? — поинтересовался старый еврей.

– Дух не дух, а газ.

– Чего? – переспросил рыжий.

– Ну газ, вроде воздуха, только горит. Слушатели недоверчиво молчали.

– Это еще не все, – продолжал Курочкин. – Люди научатся летать по воздуху, и не только по воздуху, даже к звездам полетят.

– Ух ты! – вздохнул кто-то. – Прямо на небо! Вот это да!

– Будет побеждена старость, излечены все болезни, мертвых и то начнут оживлять.

– А ты откуда знаешь? – снова задал вопрос рыжий. – Ты что, там был?

Толпа заржала.

– Правильно, Симон! – раздались голоса. – Так его! Пусть не врет, чего не знает!

От громкого смеха, улюлюканья и насмешек кровь бросилась Курочкину в голову.

– Ясно, был! – закричал он, стараясь перекрыть шум. – Если бы не был, не рассказывал бы!

– Ша! – Старый еврей поднял руку, и гогот постепенно стих. – Значит, ты там был?

– Был, – подтвердил Курочкин.

– И знаешь, как болезни лечат?

– Знаю.

– Рабби! – обратился тот к скамье старейшин. Этот человек был в раю и знает, как лечить все болезни. Так почему бы ему не вылечить дочь нашего уважаемого Иаира, которая уже семь дней при смерти?

Седой патриарх, восседавший на самом почетном месте, кивнул головой:

– Да будет так!

– Ну, это уже хамство! – возмутился Курочкин. – Нельзя каждое слово так буквально понимать, я же не врач, в конце концов!

– Обманщик! Проходимец! Никакой он не пророк! Побить его камнями! – раздались голоса.

Дело принимало скверный оборот.

– Ладно, – сказал Курочкин, вскидывая на плечо сумку. – Я попробую, но в случае чего, вы все свидетели, что меня к этому принудили.

В доме старого Иаира царила скорбь. Двери на улицу были распахнуты настежь, а сам хозяин в разодранной одежде, раскачиваясь, сидел на полу.

Голова его была обильно посыпана пеплом. В углу голосили женщины.

Рыжий Симон втолкнул Курочкина в комнату. Остальные толпились на улице, не решаясь войти.

– Вот, привел целителя! Где твоя дочь?

– Умерла моя дочь, мое солнышко! – запричитал Иаир. – Час назад отдала Ягве душу! – Он зачерпнул из кастрюли новую горсть пепла.

– Неважно! – сказал Симон. – Этот пророк может воскрешать мертвых. Где она лежит?

– Там! – Иаир указал рукой на закрытую дверь. – Там лежит моя голубка, моя бесценная Рахиль!

– Иди! – Симон дал Курочкину легкий подзатыльник, отчего тот влетел в соседнюю комнату. – Иди, и только попробуй не воскресить!

Курочкин прикрыл за собой дверь и в отчаянии опустился на низкую скамеечку возле кровати. Он с детства боялся мертвцев и сейчас не мог заставить себя поднять глаза, устремленные в пол.

Симон сквозь щелку наблюдал за ним.

«Кажется, влип! – подумал Курочкин. – Влип ни за грош! Дернула же меня нелегкая!»

Прошло минут пять. Толпа на улице начала проявлять нетерпение.

– Ну что там?! – кричали жаждавшие чудес. – Скоро он кончит?!

– Сидит! – вел репортаж Симон. – Сидит и думает.

– Чего еще думать?! Выволакивай его сюда, побьем камнями! – предложил кто-то.

Курочкин почувствовал приближение смертного часа. Нужно было что-то предпринять, чтобы хоть немного отдалить страшный миг расплаты.

– Эх, была не была! – Он закурил и дрожащей рукой откинул простыню, прикрывавшую тело на кровати.

– Ой! – вскрикнул Симон, увидевший голубой огонек газовой зажигалки. –

Дух святой! Дух святой, прямо к нему в руки, я сам видел!

Толпа благоговейно затихла.

Лежавшая на кровати девушка была очень хороша собой. Если бы не восковая бледность и сведенные в предсмертной судороге руки, ее можно было принять за спящую.

Курочкину даже показалось, что веки покойницы слегка дрогнули, когда он нечаянно коснулся ее груди кончиком сигареты.

Внезапно его осенило…

* * *

Когда спустя несколько минут Курочкин вышел из комнаты, где лежала Рахиль, у него был совершенно измученный вид. Рукой, все еще сжимавшей пустую ампулу, он отирал холодный пот со лба.

– Будет жить! – сказал он, в изнеможении опускаясь на пол. – Уже открыла глаза!

– Врешь! – Симон заглянул в комнату и повалился в ноги Курочкину: – Рабби!! Прости мне мое неверие!

– Бог простит! – усмехнулся Курочкин. Он уже начал осваивать новый лексикон.

Субботний ужин в доме Иаира остался в памяти Курочкина приятным, хотя ивесьма смутным воспоминанием. Счастливый хозяин не жалел ни вина, ни яств.

По случаю торжества жена Иаира вынула из заветного сундука серебряные подсвечники.

Курочкин возлежал на почетном месте, с лихвой компенсируя вынужденный пост. Правда, от ночи, проведенной на берегу, у него разыгрался радикулит, а непривычка есть лежа вынуждала приподниматься, глотая каждый кусок. От такой гимнастики поясница болела еще больше.

Воздав должное кулинарному искусству хозяйки и тивериадскому вину, Курочкин отвалился от стола и блаженно улыбнулся. Его потянуло проповедовать. Все присутствующие только этого и ждали. Начав с чудес науки, он, незаметно для себя, перешел к антивоенной пропаганде. При этом он так увлекся описанием моши термоядерного оружия и грозящих бед от развязывания атомной войны, что у потрясенных слушателей появились слезы на глазах.

– Скажи, – спросил дрожащим голосом Иаир, неужели Ягве даст уничтожить все сущее на земле?! Как же спастись?!

– Не бойся, старик! – успокоил его уже совершенно пьяный Курочкин. – Выполняй, что я говорю, и будет полный порядок!

Все хором начали уговаривать проповедника навсегда остаться в Капернауме, но тот настойчиво твердил, что утром должен отправиться в Ерушалаим, потому что, как он выражался, «Христос не может ждать».

Утром Иоанн с Иаковом разбудили Курочкина, но тот долго не мог понять, чего от него хотят.

– Ну вас к бесу! – бормотал он, дрыгая ногой и заворачиваясь с головой в простыню. – Ни в какой институт я не пойду, сегодня выходной.

Верные своему долгу апостолы принуждены были стащить его на пол. Курочкин был совсем плох. Он морщился, рыгал и поминутно просил пить. Пришлось прибегнуть к испытанному средству, именуемому в просторечии «похмелкой».

Вскоре перед домом Иαιра выстроилась целая процессия. Во главе ее были сыновья Зеведеевы, Иуда и Фома. Дальше, на подаренном Иаиром осле, восседал Курочкин с неизменной сумкой через плечо. Рядом находился новообращенный Симон, не спускавший восторженных глаз с Учителя. В отдалении толпилось множество любопытных, привлеченных этим великолепным зрелищем.

Уже были сказаны все напутственные слова, и пышный кортеж двинулся по улицам Капернаума, привлекая все больше и больше народа.

* * *

Слава Курочкина распространялась со скоростью пожара. Однако он сам, целиком поглощенный поисками Христа, оставался равнодушным к воздаваемым ему почестям.

«Что ж, – рассуждал он, мерно покачиваясь на осле, – пока пусть будет так. Нужно завоевать доверие этих простых людей. Один проповедник ищет другого, такая ситуация им гораздо более понятна, чем появление пришельца из будущего».

Толпы увечных, хромых и прокаженных выходили на дорогу, чтобы прикоснуться к его одежде.

Тут обнаружились новые свойства великолепного хитона. От трения о шерсть осла нейлоновая ткань приобретала столь мощные электрические заряды, что жаждущие исцеления только морщились и уверяли, что на них нисходит благодать божья.

Вскоре такое повышенное внимание к его особе все же начало тяготить Курочкина. Жадная до сенсаций толпа поминутно требовала чудес. Больше всего ему досаждали напоминания о манне небесной, которой бог некогда обильно снабжал евреев в пустыне. Нарастала опасность голодного бунта. Даже апостолы, и те начали роптать.

В конце концов, пришлось пожертвовать двадцатью динариями, выданными Казановаком на текущие расходы.

Отпущеных денег хватило только на семь хлебов и корзину вяленой рыбы. В одном начальник отдела «Времена и Нравы» оказался прав: финансовая мощь его подопечного далеко не дотягивала до покупки копей царя Соломона.

Возвращавшийся с покупками Иоанн чуть не был растерзан голодной свитой, которая во мгновение ока расхитила все продовольствие. При этом ему еще надавали по шее.

– Что делать, рабби?! – Иоанн был совсем растерян. – Эти люди требуют хлеба.

– Считать, что они накормлены, – ответил Курочкин. – Больше денег нет! В одном из селений путь процессии преградили несколько гогочущих парней, которые тащили женщину в разодранной одежде.

– Что вы с ней собираетесь делать? – спросил Курочкин.

– Побить камнями. Это известная потаскуха Мария. Мы ее тут в канаве застукали.

Чувствительный к женской красоте, Курочкин нахмурил брови.

– Хорошо, – сказал он, не брезгая самым грубым пластилом. – Пусть тот из вас, кто без греха, первый кинет в нее камнем.

Демагогический трюк подействовал. Воинствующие моралисты неохотно разошлись. Только стоявшая в стороне девочка лет пяти подняла с дороги камень и запустила в осла. На этом инцидент был исчерпан. Теперь к свите Курочкина прибавилась еще и блудница.

Недовольный этим Фома подошел к Учителю.

– Скажи, рабби, – спросил он, – достойно ли таскать с собой шлюху? На кой она тебе?

— А вот освобожусь немного, буду изгонять из нее бесов, — ответил тот, искоса поглядывая на хорошенъякую грешницу.

Так, в лето от сотворения мира 3790-е, в канун первого дня опресноков, Леонтий Кондратьевич Курочкин, кандидат исторических наук, сопровождаемый толпой ликующей черни, въехал верхом на осле в священный город Ерушалаим.

— Кто это? — спросила женщина с кувшином на голове у старого нищего, подпиравшего спиной кладбищенскую стену.

— Се грядет царь иудейский! — прошамкал безумный стариk.

* * *

В Нижнем городе процессия остановилась. Симон и Фома предлагали сразу же отправиться в Храм, но измученный жарою Курочкин наотрез отказался идти дальше.

Он прилег в садике под смоковницей и заявил, что до вечера никуда не двинется.

Верующие разбрелись кто куда в поисках пропитания. Нужно было подумать о пище телесной и проповеднику с апостолами. После недолгого совещания решили послать Иуду на базар, продавать осла. Иоанн с Иаковом пошли на улицу Горшечников, где, по их словам, жила сестра Зеведея, у которой они надеялись занять несколько динариев.

Курочкин перетянул живот взятой у Фомы веревкой и, подложив под голову сумку, уснул натощак.

Иуде повезло. Не прошел он и трех кварталов, как следовавший за ним по пятам человек остановил его и осведомился, не продается ли осел. Иуда сказал, что продается, и, не зная, как котируются на рынке ослы, заломил несуразную цену в двадцать пять сребреников.

К его удивлению, покупатель не только сразу согласился, но и обещал еще скрепить сделку кувшином вина. Простодушный апостол заколебался. Ему совсем не хотелось продешевить. Почесав затылок, он пояснил, что это осел не простой, что на нем ехал не кто иной как знаменитый проповедник из Назарета, и что расставаться за двадцать пять сребреников с таким великолепным кротким животным, на которого несомненно тоже сошла крупица благодати божьей, просто грех.

Покупатель прибавил цену. После яростного торга, во время которого не раз кидалась шапка на землю, воздевались руки к небу и призывался в свидетели Ягве, ударили по рукам на тридцати сребрениках.

Получив деньги, Иуда передал осла его законному владельцу, и коммерсанты отправились в погребок обмыть покупку.

По дороге новый знакомый рассказал, что служит домоправителем у первосвященника Киафы и приобрел осла по его личному приказанию.

— Зачем же ему осел? — удивился Иуда. — Разве у него в конюшне мало лошадей?

— Полно! — ответил домоправитель. — Полно лошадей, однако первосвященник очень любит ослов. Просто мимо пройти не может спокойно.

— Чудесны дела твои, господи! — Иуда вздохнул. — На что только люди не тратят деньги!

Уже было выпито по второй, когда управитель осторожно спросил:

— А этот твой проповедник, он действительно святой человек?

— Святой! — Иуда выплюнул косточку маслины и потянулся к кувшину. — Ты себе не можешь представить, какой он святой!

— И чему же он учит? — поинтересовался управитель, наполняя кружку собеседника до краев.

— Всему учит, сразу и не упомнишь.

— Например?

– Все больше насчет рабов и богатых. Нельзя, говорит, иметь рабов, а то не попадешь в царствие небесное.

– Неужели?

– Определенно! – Иуда отпил большой глоток. А богатые у Ягве будут, вместо верблюдов, грузы возить. В наказанье он их будет прогонять сквозь игольное ушко.

– Это когда же?

– А вот скоро конец света настанет, появится ангел такой… термо… термо… не помню, как звать, только помню, что как ахнет! Все сожжет на земле, а спасутся только те, кто подставляет левую щеку, когда бьют по правой.

– Интересно твой пророк проповедует.

– А ты думал?! Он и мертвых воскрешать может. Вот в субботу девицу одну, дочь Иαιра, знаешь как сделал? В лучшем виде!

– Так… А правду говорят, что он царь иудейский?

– А как же! Это такая голова! Кому же еще быть царем, как не ему?

Распрощавшись с управителем и заверив его в вечной дружбе. Иуда направился на свидание с Курочкиным. После выгодно заключенной сделки его просто расpirало от гордости за свои коммерческие способности. Он заговаривал с прохожими и несколько раз останавливался у лавок, из которых бойкие молодые люди выносили товары.

Он было решил купить мешок муки, но от него только отмахнулись:

– Не знаешь разве, что конец света наступает? Кому теперь нужны твои деньги?!

– Деньги – всегда деньги, – резонно ответил Иуда и зашагал к садику, где его ждали товарищи.

На улице Ткачей ему попался навстречу вооруженный конвой под предводительством его нового знакомого, окруживший связанного по рукам Курочкина.

* * *

Первосвященник Киафа с утра был в скверном настроении. Вчера у него состоялся пре-неприятный разговор с Понтием Пилатом. Рим требовал денег. Предложенный прокуратором новый налог на оливковое масло грозил вызвать волнения по всей стране, наводненной все-возможными лжепророками, которые подбивали народ на вооруженное восстание.

Какие-то люди, прибывшие неизвестно откуда в Ерушалаим, громили лавки, ссылаясь на приближение Страшного Суда.

А тут еще этот проповедник, именующий себя царем иудейским! Коварный Тиберий только и ждал чего-нибудь в этом роде, чтобы бросить в Иудею свои легионы и навсегда покончить с жалкими крохами свободы, которые его предшественник оставил сынам Израиля.

Открылась дверь, и вошел управитель.

– Ну как? – спросил Киафа.

– Привел. Пришло связать, он никак не давался в руки. Прикажешь ввести?

– Подожди! – Киафа задумался. Пожалуй, было бы непростительным легкомыслием допрашивать самозванца в собственном доме. Слухи дойдут до Рима, и неизвестно, как их там истолкуют. – Вот что, отведи-ка его к Анне, – сказал он, решив, что лучше подставить под удар тестя, чем рисковать самому.

– Слушаюсь!

– И пошли к бен Зарху и Гур Арию, пусть тоже придут туда.

Киафе не хотелось созывать Синедрион. При одной мысли о бесконечных дебатах, которые поднимут эти семьдесят человек, ему стало тошно. Кроме того, не имело смысла предавать все дело столь широкой огласке.

– Иди! Скажи Анне, что я велел меня ждать.

* * *

Когда связанного Курочкина вволокли в покой, где собирались сливки иудейских богословов, он был вне себя от ярости.

— Что это за штуки? — заорал он, обращаясь к Киафе, в котором угадал главного. — Имейте в виду, что такое самоуправство не пройдет вам даром!

— Ах, так ты разговариваешь с первосвященником?! — Управитель отвесил ему увесистую затрещину. — Я тебя научу, как обращаться к старшим!

От второй пощечины у Курочкина все поплыло перед глазами. Желая спасти кровоточащую щеку от третьей, он повернулся к управителю другим боком.

— Смотри! — закричал тот Киафе. — Его бьют по щеке, а он подставляет другую! Вот этому он учит народ!

— На моем месте ты бы и не то подставил, дубина! — пробурчал Курочкин. — Тоже мне философ нашелся! Толстовец!

Допрос начал Киафа:

— Кто ты такой?

Курочкин взглянул на судей. В этот раз перед ним были не простодушные рыбаки и землепашцы, а искушенные в софистике священники. Ему стало ясно, что пора открывать карты.

— Я прибыл сюда с научной миссией, — начал он, совершенно не представляя себе, как растолковать этим людям свое чудесное появление в их мире. — Дело в том, что Иисус Христос, которого якобы вы собирались распять...

— Что он говорит? — поинтересовался глуховатый Ицхак бен Зарх, приложив ладонь к уху.

— Утверждает, что он мессия по имени Иисус Христос, — пояснил Киафа.

— «Кто дерзнет сказать слово от имени моего, а я не повелел ему говорить, тот да умрет».

Второзаконие, глава восемнадцатая, стих двадцатый, — пробормотал бен Зарх.

— Значит, ты не рожден женщиной? — задал новый вопрос Киафа.

— С чего ты это взял? — усмехнулся Курочкин. — Я такой же сын человеческий, как и все.

— Чтишь ли ты субботу?

— Там, откуда я прибыл, два выходных в неделю. По субботам мы тоже не работаем.

— Что же это за царство такое?

— Как вам объяснить? Во всяком случае, оно не имеет отношения к миру, в котором вы живете.

— Что? — переспросил бен Зарх.

— Говорят, что его царство не от мира сего. Как же ты сюда попал?

— Ну, технику этого дела я вам рассказать не могу. Это знают только те, кто меня сюда перенес.

— Кто же это? Ангелы небесные?

Курочкин не ответил. Киафа поглядел на собравшихся.

— Еще вопросы есть?

Слово взял Иосиф Гур Арий.

— Скажи, как же ты чтишь субботу, если в этот день ты занимался врачеванием?

— А что же, по-вашему, лучше, чтобы человек умер в субботу? — задал в свою очередь вопрос Курочкин. — У нас, например, считают, что суббота для человека, а не человек для субботы.

Допрос снова перешел к Киафе.

— Называл ли ты себя царем иудейским?

— Вот еще новость! — Курочкин снова пришел в раздражение. — Глупее ты ничего не придумаешь!?

Управитель дал ему новую затрещину.

– Ах так?! – взревел Курочкин. – При таких методах следствия я вообще отказываюсь отвечать на вопросы!

– Уведите его! – приказал Киафа.

* * *

Понтий Пилат беседовал в претории с гостем, прибывшим из Александрии. Брат жены прокуратора Гай Прокулл, историк, астроном и врач, приехал в Ерушалаим, чтобы познакомиться с древними рукописями, находившимися в Храме.

Прислуживавшие за столом рабы собрали остатки еды и удалились, оставив только амфоры с вином. Теперь, когда не нужно было опасаться любопытных ушей, беседа потекла свободней.

– Мне сказала Клавдия, что ты хочешь просить императора о переводе в Рим. Чем это вызвано? – спросил Прокулл.

Пилат пожал плечами.

– Многими причинами, – ответил он после небольшой паузы. – Пребывание в этой проклятой стране подобно жизни на вулкане, сегодня не знаешь, что будет завтра. Они только и ждут, чтобы всадить нож в спину.

– Однако же власть прокуратора…

– Одна видимость. Когда я подавляю восстание, всю славу приписывает себе Люций Вителлий, когда же пытаюсь найти с иудеями общий язык, он шлет гонцов в Рим с доносами на меня. Собирать подати становится все труднее. Мытарей попросту избивают на дорогах, а то и отнимают деньги. Недоимки растут, и этим ловко пользуется Вителлий, который уже давно хочет посадить на мое место кого-нибудь из своих людей.

– И все же… – начал Прокулл, но закончить ему не удалось. Помешал рев толпы под окнами.

– Вот, полюбуйся! – сказал Пилат, подойдя к окну. – Ни днем, ни ночью нет покоя. Ничего не поделаешь, придется выйти к ним, такова доля прокуратора. Пойдем со мной, увидишь сам, почему я хочу просить о переводе в Рим.

Толпа неистовствовала.

– Распни его! – орали, увидев Пилата, те, кто еще недавно целовал у Курочкина подол хитона. Распятие на кресте было для них куда более увлекательным мероприятием, чем любые проповеди, которыми они и без того были сыты по горло.

– Распни!!

– В чем вы обвиняете этого человека? – спросил Пилат, взглянув на окровавленного Курочкина, который стоял, потупя голову.

Вперед выступил Киафа.

– Это наглый обманщик, святотатец и подстрекатель!

– Правда ли то, в чем тебя обвиняют?

Мягкий, снисходительный тон Пилата ободрил совсем было отчаявшегося Курочкина.

– Это страшная ошибка, – сказал он, глядя с надеждой на прокуратора, – меня принимают тут не за того, кто я есть на самом деле. Вы, как человек интеллигентный, не можете в этом не разобраться!

– Кто же ты есть?

– Ученый. Только цепь нелепейших событий…

– Хорошо! – прервал его Пилат. – Прошу, – обратился он к Прокуллу, – выясни, действительно ли этот человек ученый.

Прокулл подошел к Курочкину.

– Скажи, какие события предвещает прохождение звезды Гнева вблизи Скорпиона, опаленного огнем Жертвеника?

Курочкин молчал.

– Ну что ж, – усмехнулся Прокулл, – этого ты можешь и не знать. Тогда вспомни, сколько органов насчитывается в человеческом теле?

Однако и на второй вопрос Курочкин не мог ответить.

– Вот как?! – нахмурился Прокулл. – Принесите мне амфору. Амфора была доставлена. Прокулл поднес ее к лицу Курочкина.

– Как ты определишь, сколько вина можно влить в этот сосуд?

– Основание… на… полуудвоенную высоту… – забормотал тот. Как всякий гуманист, он плохо помнил такие вещи.

– Этот человек – круглый невежда, – обратился Прокулл к Пилату, – однако невежество еще не может служить причиной для казни на кресте. На твоем месте я бы его публично высек и отпустил с миром.

– Нет, распни его! – опять забеспокоилась толпа.

Курочкина вновь охватило отчаяние.

– Все эти вопросы не по моей специальности! закричал он, адресуясь непосредственно к Пилату. – Я же историк!

– Историк? – переспросил Прокулл. – Я тоже историк. Может быть, ты мне напомнишь, как была укреплена Атлантида от вторжения врагов?

– Я не занимался Атлантидой. Мои изыскания посвящены другой эпохе.

– Какой же?

– Первому веку.

– Прости, я не понял, – вежливо сказал Прокулл. – О каком веке ты говоришь?

– Ну, о нынешнем времени.

– А-а-а! Значит, ты составляешь описание событий, которые произошли совсем недавно?

– Совершенно верно! – обрадовался Курочкин. – Вот об этом я вам и tolкую!

Прокулл задумался.

– Хорошо, – сказал он, подмигнув Пилату, – скажи, сколько легионов, по скольку воинов в каждом имел Цезарь Гай Юлий во время первого похода на Галлию?

Курочкин мучительно пытался вспомнить лекции по истории Рима. От непосильного напряжения у него на лбу выступили крупные капли пота.

– Хватит! – сказал Пилат. – И без того видно, что он никогда ничему не учился. В чем вы его еще обвиняете?

Киафа снова выступил вперед.

– Он подбивал народ на неповинование Риму, объявил себя царем иудейским.

Прокуратор поморщился. Дело оказывалось куда более серьезным, чем он предполагал вначале.

– Это правда? – спросил он Курочкина.

– Ложь! Чистейшая ложь, пусть представят свидетелей!

– Почему ты веришь ему, в не веришь мне?! – заорал Киафа. – Я как-никак первосвященник, а он проходимец, бродячий проповедник, нищий!

Пилат развел руками.

– Такое обвинение должно быть подтверждено свидетелями.

– Вот как?! – Киафа в ярости заскрежетал зубами. – Я вижу, здесь правосудия не добьешься, придется обратиться к Вителлию!

Удар был рассчитан точно. Меньше всего Пилату хотелось впутывать сюда правителя Сирии.

— Возьмите этого человека! — приказал он страже, отводя взгляд от умоляющих глаз Курочкина.

* * *

Иуда провел ночь у ворот претории. Он следовал за Курочкиным к дому Киафы, торчал под окнами у Анны и сопровождал процессию к резиденции прокуратора. Однако ему так и не удалось ни разу пробиться сквозь толпу к Учителю.

В конце концов, выпитое вино, волнения этого дня и усталость совсем сморили Иуду. Он устроился в придорожной канаве и уснул.

Проснулся он от жарких лучей солнца, припекавших голову. Иуда потянулся, подергал себя за бороду, чтобы придать ей более респектабельный вид, и пошел во двор претории, надеясь что-нибудь разузнать.

В тени, отбрасываемой стеной здания, сидел здоровенный легионер и чистил мелом меч.

— Пошел, пошел отсюда! — приветствовал он апостола. — У нас тут не подают!

Смирив гордыню при виде меча, Иуда почтительно изложил легионеру свое дело.

— Эге! — сказал тот. — Поздно же ты о нем вспомнил! Теперь он уже... —

Легионер заржал и красочно воспроизвел позу, которая впоследствии надолго вошла в обиход как символ искупления первородного греха.

Потрясенный Иуда кинулся бегом к Лобному месту...

* * *

На вершине холма стояло три креста. У среднего, с надписью «Царь иудейский», распростершись ниц, лежал плачущий Симон.

Иуда плюхнулся рядом с ним.

— Рабби!!

— Совсем слаб твой рабби, — сказал один из стражников, рассматривая снятые с Курочкина доспехи. — Еще и приколотить как следует не успели, а он сразу того... — стражник закатил глаза, — преставился!

— Со страха, что ли? — сказал второй стражник, доставая игральные кости. — Так как, разыграем?

— Давай!

Иуда взглянул на сморщенное в смертной муке бледное лицо Учителя и громко заголосил.

— Ишь, убивается! — сказал стражник. — Верно, родственничек?

— Послушайте! — Иуда встал и молитвенно сложил руки. — Он уже все равно умер, позовите нам его похоронить.

— Нельзя. До вечера не положено снимать.

— Ну, пожалуйста! Вот, возьмите все, только разрешите! — Иуда высыпал перед ними на землю деньги, вырученные за осла.

— Разрешить, что ли? — спросил один из стражников.

— А может, он и не умер еще вовсе? — Второй служивый подошел к кресту и ткнул копьем в бок Курочкина. — Пожалуй, помер, не дернулся даже. Забирай своего родственничка!

Между тем остальные продолжали рассматривать хитон.

— Справная вещь! — похвастал счастливчик, на которого пал выигрыш. — Сносу не будет!

Потрясенные смертью Учителя, апостолы торопливо снимали его с креста.

Когда неловкий Иуда стал отдирать гвозди от ног, Курочкин приоткрыл глаза и застонал.

— Видишь?! — шепнул Иуда на ухо Симону. — Живой!

— Тише! — Симон оглянулся на стражников. — Тут поблизости пещера есть, тащи, пока не увидели!

Стражники ничего не заметили. Они были целиком поглощены дележом свалившихся с неба тридцати сребреников.

Оставив Курочкина в пещере на попечении верного Симона, Иуда помчался сообщить радостную весть прочим апостолам.

Курочкин не приходил в сознание.

В бреду он принимал Симона за своего аспиранта, оставленного в двадцать первом веке, но обращался к нему на древнееврейском языке.

— Петя! Петр! Я вернусь, обязательно вернусь, не может же Хранитель оказаться такой скотиной! Поручаю тебе, в случае чего...

Пять суток, отпущеных Хранителем, истекли. Где-то, в подвале двадцатистороннего здания мигнул зеленый глазок индикатора. Бесшумно включились релейные цепи. Дьявольский вихрь причин и следствий, рождений и смертей, нелепостей и закономерностей окутал распостертое на каменном полу тело, озарил пещеру сиянием электрических разрядов и, как пробку со дна океана, вытолкнул Курочкина назад в далёкое, но неизбежное будущее.

— Мессия!! — Ослепленные чудесным видением, Иоанн, Иаков, Иуда и Фома стояли у входа в пещеру.

— Вознесся! — Симон поднял руки к небу. — Вознесся, но вернется! Он меня нарек Петром и оставил своим наместником!

Апостолы смиренно пали на колени.

* * *

Между тем Курочкин уже лежал в одних плавках на диване гостеприимного заведения Казановака. Его лицо и лоб были обложены тряпками, смоченными в растворителе.

— Ну, как попутешествовали? — спросила Маша, осторожно оттирая край бороды.

— Ничего.

— Может, вы у нас докладчик сделаете? — поинтересовался Казановак. — Тут многие из персонала проявляют любознательность насчет той жизни.

— Не знаю... Во всяком случае не сейчас. Собранные мною факты требуют еще тщательной обработки, тем более, что, как выяснилось, евангелисты толковали их очень превратно.

— Что ж, конь о четырех ногах и тот ошибается, — философски заметил Казановак. Он вздохнул и, тщательно расправив копирку, приступил к составлению акта на недостачу реквизита.

— Что там носят? — спросила Маша. — Длинное или короткое?

— Длинное.

— Ну вот, говорила Нинке, что нужно шить подлиннее! Ой! Что это у вас?!

— Она ткнула пальцем в затянувшиеся розовой кожей раны на запястьях. И здесь, и здесь, и бок разодран! Вас что, там били?

— Нет, вероятно, поранился в пути. — Казановак перевернул лист.

— Так как написать причину недостачи?

— Напишите, петля гистерезиса, — ответил уже поднаторевший в терминологии Курочкин.

ЛАВКА СНОВИДЕНИЙ

Земля не отвечает на позывные

Звездолет Первой Межгалактической Экспедиции вновь вошел в пределы Солнечной Системы.

– Не понимаю, в чем дело, – сказал Навигатор, входя в салон, – Земля не отвечает на наши позывные. Не может быть, чтобы за пять тысяч лет они разучились принимать радиосигналы.

Биолог весело рассмеялся.

– Начинаются сюрпризы. Вероятно, просто этот вид связи на Земле давно сдали в архив. Навигатор не отвечает. Присев на корточки, он что-то ищет в буфете.

– Есть! Давайте, мальчики, выпьем за здоровье нашей старушки Земли!

Янтарная жидкость светится в хрустальных бокалах.

– Пять тысяч лет, – мечтательно повторяет Биолог. – Страшно подумать, что за это время произошло на Земле. Ведь мы, по сравнению с ними, дикари, почти первобытные люди.

Инженер берет в руки бокал.

– Ерунда! У нас с ними быстро найдется общий язык. Какое счастье, что мы возвращаемся совсем молодыми. Эти анабиозные ванны – отличная выдумка! Странно, – говорит он после небольшой паузы. – С тех пор как выяснилось, что никакой жизни в космосе больше нет, я полон гордости. Шутка ли: моя планета – исключение из правил, колыбель величайшего парадокса во вселенной, а я сам – живое существо, явление, лежащее за пределами вероятного.

Мелодично звенят поднятые бокалы.

– Что ты собираешься делать после возвращения? – спрашивает Биолог.

– Год отпуска. Горячий песок на пляжах, настоящие закаты, шум прибоя, родной воздух, и апельсины, я зверски соскучился по апельсинам.

– Девушки, – добавляет Навигатор. – Не забудьте про девушек. Троє холостяков, прорвавшихся сквозь тьму веков, – это же для них сенсация!

– Вам хорошо! – вздыхает Биолог. – Вышли из корабля и – в отпуск, а мне придется отдуваться за всех. Десятка два докладов во всяких академиях о том, что, мол, общарив две галактики, и так далее. Бесконечные вопросы. Представляю себе какого-нибудь седовласого академика семидесятого столетия: очки на носу и гневно поднятый перст. «Отвечайте, молодой человек, как это, по вашему мнению, появилась жизнь на Земле, если ее нигде больше не существует?»

– Они, наверное, уже все сами знают, – говорит, поднимаясь, Навигатор. – Пойду попробую вызвать Землю на световых частотах.

Инженер потягивается в кресле.

– Откровенно говоря, мне наплевать на все эти галактики. Меня вполне устраивает жизнь на моей родной планете, замечательная земная жизнь!

Бил... бип... бип... интервал... бип... бип... бип...

– Ясно, почему они не отвечают, – говорит инженер, отходя от спектрографа, – у нее нет атмосферы...

...Звездолет заканчивает первый виток над поверхностью планеты.

Навигатор подходит к шкафу со скафандрами.

– Разведывательную ракету! Вы остаетесь на корабле. Проходит несколько томительных часов, прежде чем на щите уравнительной камеры вспыхивает зеленый сигнал.

Медленно передвигая ноги, Навигатор входит в кабину.

Они смотрят на его руки, рвущие застежки скафандра, и понимают, что сейчас его нельзя ни о чем спрашивать.

Он подходит к буфету, достает бутылку вина, откупоренную в честь родной планеты, вытаскивает зубами пробку и жадно пьет из горлышка.

– Столкновение с астероидом, – бросает он через плечо по пути в каюту, – там никого не осталось, никаких признаков жизни. Теперь Земля мертва, как и вся Вселенная.

Они долго молчат.

Первым решается заговорить Инженер:

– Энергетические запасы мезонного поля неисчерпаемы, круговорот биологического комплекса звездолета обеспечивает нас всем необходимым, мы можем лететь куда угодно.

– Зачем?

На этот вопрос инженер не находит ответа.

Крохотная точка кружит над мертвой планетой, совершающей свой бег вокруг Солнца. В звездолете все по-старому.

Они точно в положенное время садятся за стол, подолгу обсуждают меню на завтрашний день, читают, играют в шахматы, занимаются повседневными делами.

Больше всех занят Навигатор. Он вычисляет новую орбиту Земли.

Только разговаривают они теперь меньше. Зачем говорить, когда заранее известно, о чем думают другие.

Молча сидят они в салоне, глядя на небольшой красный рычажок аварийного люка. Достаточно немногого потянуть этот рычажок на себя, чтобы сервомоторы сдвинули овальный броневой лист вверх и в кабину ворвалась чудовищная пустота, именуемая космосом.

С взрывом разлетаются матовые плафоны, заливающие кабину светом, а живая плоть мгновенно превратится в стекловидную массу, рассыпающуюся в пыль от малейшего толчка.

Навигатор встает с кресла и делает два шага вперед. Его рука – на красной рукоятке.

Сейчас каждый из них отчетливо слышит удары своего сердца.

Навигатор отвичивает стопор.

– Искушение номер один, – шепчет он, пряча рычажок под сидение кресла.

…Проходит год. Сегодня они – снова в отсеке управления, каждый на своем месте. Пора решать, что делать дальше.

– Человеческая мораль, – говорит Навигатор, – всегда осуждала самоубийство. Смысл этой фразы всем ясен: НЕТ.

Инженер тщательно подбирает слова:

Когда человек на Земле лишал себя жизни, то этим самым он рвал тысячи нитей, связывающих его с другими людьми. Самоубийство неизбежно превращалось в социальное явление, но ведь мы – единственные живые существа во вселенной, наши поступки нельзя оценивать с точки зрения человеческой морали. Ее больше просто не существует.

Снова ясно: ДА.

Теперь очередь за Биологом. Его голос решает все. Может быть, поэтому он так медлит с ответом.

– Пора кончать… Есть предел, выше которого человек уже… Договорить ему не удается. Внезапно появившаяся тяжесть вдавливает его в кресло.

Инженер видит вздувшиеся вены на шее Навигатора, сидящего за пультом, мечущиеся стрелки приборов, стремительно падающую вниз Землю и нестерпимо яркий шар в иллюминаторе.

«Корабль идет на Солнце! – мелькает у него мысль. – Навигатор хочет закончить игру эффектной жертвой».

– Позёр! – кричит он, с трудом двигая, наливающимися свинцом челюстями. Ищешь красивой смерти? Проще было разгерметизировать кабину. Я предпочитаю, чтобы мой труп носился вокруг Земли как последний памятник человеку!

Все внимание Навигатора поглощено гиперболой, вычерчиваемой курсографом и стрелкой указателя перегрузки, движущейся к красной черте, но он еще находит время крикнуть в микрофон:

– Ты не дождешься этого, болван! Я не верю в красивую смерть и буду искать жизнь, пусть безобразную, но жизнь, искать везде, по всей Вселенной, искать, пока я сам жив!

Гомункулус

Я проснулся от звонка телефона. На светящемся циферблате будильника часовая стрелка перешла за два часа. Не понимая, кто может звонить так поздно, я снял трубку.

– Наконец-то вы проснулись! – услышал я взволнованный голос Смирнова. – Прошу вас немедленно ко мне приехать!

– Что случилось?

– Произошло несчастье. Сбежал Гомункулус. Он обуреваем жаждой разрушения, и я боюсь даже подумать о том, что он способен натворить в таком состоянии.

– Ведь я вам говорил, – начал я, но в трубке послышались короткие гудки.

Медлить было нельзя.

Гомункулус! Я дал ему это имя, когда у Смирнова только зародилась идея создания мыслящего автомата, обладающего свободой воли. Он собирался применить изобретенные им пороговые молекулярные элементы для моделирования человеческого мозга.

Уже тогда бессмысленность этой затеи вызвала у меня резкий протест. Я просто не понимал, зачем это нужно. Мне всегда казалось, что задачи кибернетики должны ограничиваться синтезом автоматов, облегчающих человеческий труд. Я не сомневался в неограниченной возможности моделирования живой природы, но попытки создания электронной модели человека представлялись мне просто отвратительными. Откровенно говоря, меня пугала неизбежность конфликта между человеком и созданным им механическим подобием самого себя, подобием, лишенным каких бы то ни было человеческих черт, со свободой воли, определяемой не чувствами, а абстрактными, сухими законами математической логики. Я был уверен, что чем совершеннее будет такой автомат, тем бесчеловечнее он поведет себя в выборе средств для достижения поставленной им цели. Все это я откровенно высказал тогда Смирнову.

– Вы такой же ханжа, – ответил он, – как те, кто пытается объявить выращивание человеческих зародышей в колбе противоречащим элементарным нормам морали. Ученый не может позволить себе роскошь быть сентиментальным в таких вопросах.

– Когда выращивают человеческого эмбриона в колбе, – возразил я, – для того, чтобы использовать его ткани при операциях, требующих пересадки, то это делается в гуманных целях и морально оправдано. Но представьте себе, что кому-нибудь пришло в голову из любопытства вырастить в колбе живого человека. Такие попытки создания нового Гомункулуса, по моему, столь же омерзительны, как и мысль о выведении гибрида человека с обезьяной.

– Гомункулус! – захотел он. – Это то, что мне не хватало! Пожалуй, я назову робота Гомункулусом.

* * *

Смирнов ожидал меня на лестнице.

– Полюбуйтесь! – сказал он, открывая дверь в квартиру.

То, что я увидел, прежде всего поразило меня своей бессмысленностью. Прямо у входа на полу лежали изуродованные останки телевизора. Было похоже на то, что кто-то с извращенным сладострастием рвал его на куски.

Я почувствовал специфический запах газа и прошел в ванную. Газовой колонки попросту не существовало. Искореженные куски арматуры валялись в коридоре. Закрыв краны, я направился в кабинет Смирнова. Здесь меньше чувствовалось проявление инстинкта разрушения, но книги и бумаги валялись на полу в хаотическом беспорядке.

– Скажите, как это произошло? – спросил я, усаживаясь на диван.

— Я почти ничего не могу объяснить вам, — сказал он, пытаясь привести в порядок бумаги. — Вы знаете, что год тому назад я взял Гомункулуса из лаборатории к себе домой, чтобы иметь возможность уделять ему больше внимания. Недели две тому назад он захандрил. Его вдруг начало интересовать все, что связано со смертью. Он часто расспрашивал меня, от каких причин она наступает. Дня три тому назад он попросил меня рассказать подробно, чем он отличается от человека. Потом он спросил, не придет ли мне когда-нибудь в голову умертвить его. И вот тут я допустил ошибку. Мне так надоела его хандря, что я пригрозил ему демонтажем, если он не изменит своего поведения и не станет более тщательно готовить заданные ему уроки. «И тогда я перестану существовать и от меня ничего не останется, кроме кучи мертвых деталей?» — спросил он, пристально глядя мне в глаза. Я ответил утвердительно. После этого разговора он замолчал. Целые дни он напряженно о чем-то думал. И вот сегодня вечером я, прия домой, увидел, что входная дверь открыта, а квартира приведена в такое состояние, будто в ней хозяйничало стадо диких слонов. Самого же Гомункулуса и след простыл.

— Куда же он мог отправиться?

— Право, не знаю. Он всего один раз был на улице, когда я вез его из лаборатории домой. Может быть, он запомнил дорогу и пошел туда. Просто так, без всякого плана, искать его в городе невозможно. Мне кажется, что лучше всего сначала посмотреть, нет ли его в лаборатории.

Мы снова вышли на лестницу. Я обратил внимание на то, что несколько стальных стоек, поддерживавших перила, вырваны. Одной из них на лестнице не было. Мне стало не по себе. Легко предположить, на что способен разъяренный робот, спасающийся от демонтажа и вооруженный вдобавок ко всему стальной дубинкой.

Выйдя из дома на улицу, мы свернули за угол. У большого универсального магазина стояла милицейская машина. Несмотря на поздний час, десятка дна прохожих толпились около разбитой витрины.

Достаточно было беглого взгляда на хаос, царящий внутри магазина, чтобы понять, что там произошло. Это были следы той же бессмысленной ярости, той же слепой жажды разрушения, поразивших меня при осмотре квартиры Смирнова. Даже на улице валялись искореженные магнитофоны и радиоприемники.

Смирнов молча показал мне на большую куклу с оторванной головой, брошенную среди обломков, и я понял, какая страшная участь ожидает всякого, кто этой ночью попадется на пути Гомункулуса.

Два милиционера с собакой вышли из магазина. Собака беспомощно толклась на тротуаре.

— Не берет след, — сказал один из милиционеров.

Смирнов остановил проезжавшее мимо такси и назвал адрес лаборатории. К нашему удивлению, вахтер, дежуривший с вечера, мирно попивал чаек и ни о каких роботах не слыхал. Мы осмотрели все помещения, но ничего подозрительного не обнаружили.

След Гомункулуса потерялся. Смирнов устало опустился на стул.

— Заряда аккумуляторов хватит на два дня, — сказал он, вытирая влажный лоб. — Трудно представить себе, что он может натворить за это время! К несчастью, он настолько хитер, что найдет способ подзарядить аккумуляторы, когда они разрядятся. Необходимо было срочно принимать решительные меры. Мы вызвали такси и отправились в милицию.

Дежурный лейтенант вначале скептически отнесся к нашему рассказу, но вскоре перспектива преследования стального чудовища, одержимого манией мести человечеству, вызвала в нем чисто профессиональный интерес. Он быстро связался по телефону со всеми отделениями милиции. Теперь нам оставалось только ждать.

Скоро начали поступать сообщения. Однако все это были обыденные ночные происшествия большого города. Даже в совершенных преступлениях не чувствовалось того, что следователи называют «почерком преступника», уже хорошо мне знакомого. Было ясно, что робот где-то притаился и выжидает, пока бдительность преследующих его людей ослабнет.

На рассвете, усталые и еще более обеспокоенные, мы расправились с лейтенантом и поехали домой к Смирнову, чтобы за чашкой кофе обсудить дальнейший план действий. К сожалению, нашим мечтам о кофе не суждено было сбыться.

Поднявшись по лестнице, мы увидели, что входная дверь квартиры разбита в щепки и во всех комнатах горит свет.

Я посмотрел на Смирнова и поразился странной бледности его лица.

— Гомункулус пришел свести со мною счеты, — пробормотал он, прислонясь к стене. — Скорее звоните лейтенанту, иначе мы оба пропали!

Через несколько минут к дому подъехал автомобиль с тремя милиционерами.

— Преступник в этой квартире? — спросил бравый старшина, расстегивая кобуру пистолета. — Кому известно расположение комнат?

— Пистолетом вы ничего не сделаете, — обратился к нему Смирнов. — Корпус робота изготовлен из хромово-молибденовой стали. Подождите, я спущусь вниз и постараюсь достать брезент от автомашины. Единственный способ обезвредить Гомункулуса — это поймать его в сеть. Вскоре он вновь появился на лестнице в сопровождении дюжего дворника, тащившего большой кусок брезента.

Теперь нас было шестеро. Шесть мужчин, полных решимости обезвредить это электронное исчадие ада. И все же каждый из нас испытывал смутную тревогу.

— Он, кажется, в кабинете, — прошептал Смирнов, заглядывая в дверь, — идите за мной. Может быть, мне удастся на мгновение его отвлечь, а вы набрасывайте на него брезент. Не мешкайте, потому что он вооружен стальной дубинкой.

Сохраняя полную тишину, затаив дыхание, мы медленно продвигались по коридору. Смирнов вошел первым, и сразу же послышались хрипы человека, которого стальной рукой схватили за горло.

Мы постарались поскорее проскочить с развернутым брезентом в дверь. То, что мы увидели в кабинете, заставило нас застыть на месте. Припав головой к стене, Смирнов хохотал захлебывающимся истеричным смехом.

На полу, сидя среди разбросанных радиодеталей и всевозможного металлического лома, перед разложенными рукописями своего хозяина, мурлыкая тихую песенку, Гомункулус мастерил маленького робота. Когда мы вошли, он приложив к нему голову куклы, добытую в разграбленном им магазине.

СУС

Председатель: ...Разрешите предоставить слово докладчику. Тема доклада... э... э... «Защита машины от дурака».

Докладчик (шепотом): Машина для защиты дурака.

Председатель: Простите, тема доклада... э... э... защита... э...

Докладчик (шепотом): Машина...

Председатель: Машина... э... э... для защиты дурака.

Докладчик: Многоуважаемые коллеги! Небольшая путаница с наименованием моего доклада не является случайной. Она происходит от глубоко вкоренившегося в сознание людей представления о возможности создания дуракоупорных конструкций машин, представления, я бы сказал, в корне ошибочного.

Ни современные средства автоматики, ни наличие аварийно-предупредительной сигнализации, ни автоблокировка не могут гарантировать нормальную эксплуатацию любой машины, попавшей в руки дурака, ибо никто не в состоянии предусмотреть, как будет поступать дурак в той или иной ситуации.

Проблема, которой я занимаюсь, преследует совершенно иную цель – защиту дурака от постоянных обвинений в глупости. Для того чтобы она стала понятной, необходимо тщательно рассмотреть, что собой представляет дурак.

Существует неверное мнение, будто гений отличается от всех прочих людей необычайной продуктивностью мыслей, а дурак, наоборот, почти полным отсутствием таковых. На самом же деле количество мыслей и предположений, высказываемых дураком, ничуть не меньше, чем так называемым гением или просто умным человеком. Все дело в том, что гений или умный человек обладают свойством селективности, позволяющим им отсеивать глупые мысли и высказывать только умные. Дурак же, по своей глупости, болтает все, что придет ему в голову.

Изобретенная мною машина – Селектор Умственных Способностей, или, сокращенно, СУС, позволяет отсеивать у любого человека глупые мысли и оставлять только то, что представляет несомненную ценность для общества.

Голос из зала: Как же это она делает? Не заимствована ли ваша идея у Свифта?

Докладчик: Я ждал этого вопроса. СУС работает совсем по иному принципу, чем знаменитая машина лапутян, описанная Свифтом в «Путешествиях Гулливера». Речь идет не о поисках скрытых идей в случайных словообразованиях. Абсурдность такой машины уже давно доказана. Мое изобретение отличается также от Усилителя Умственных Способностей, предложенного Эшби, где идея Свифта дополнена алгоритмом поиска здравого смысла. СУС – не усилитель, а селектор, машина с весьма совершенной логической схемой. Все высказываемые человеком мысли она делит на три категории: вначале она отсеивает те, которые не имеют логической связи; затем она бракует мысли, логически связанные, но настолько банальные, что иначе как глупостью они названы быть не могут. В результате, через выходной блок проходит только то, что свежо, оригинально и безукоризненно с точки зрения логики.

Голос из зала: Забавно!

Докладчик: Не только забавно, но и весьма полезно. Отныне десять так называемых дураков могут сделать гораздо больше полезного, чем один умный, потому что суммируясь у них будет не глупость, а ум.

Голос из зала: А как это проверить?

Докладчик: Чрезвычайно просто! Сегодняшние прения по моему докладу будут анализироваться СУСом. Надеюсь, что это поможет нам выработать единую правильную точку зрения по поставленной проблеме.

Председатель: Вы кончили? Кто хочет высказаться? (Молчание в зале.) Есть ли желающие выступить? (Молчание.)

Голос из зала: Пропустите-ка раньше через СУС тезисы своего доклада.

Докладчик: Охотно! Давайте начнем с этого. (Вкладывает рукопись в машину.) Прошу следить за машиной. Зажглась зеленая лампочка. СУС приступил к анализу. На счетчике справа количество проведенных логических операций, сейчас их число уже достигло двух тысяч. Желтый свет на табло показывает, что машина закончила анализ, результаты его она объявит, когда я нажму эту кнопку. (Нажимает кнопку. Из машины ползет белая лента.) Так, посмотрим. Гм... Прошу подождать одну минуту, я проверю схему выходного каскада... Странно, схема в порядке.

Голос из зала: Каков же результат анализа?

Докладчик: Машина почему-то выдала только наименование доклада. Все остальное бесследно исчезло... Гм... По-видимому, здесь налицо досадная неисправность. Придется окончательно проверить СУС во время прений.

Председатель: Кто хочет высказаться? (Молчание в зале.) Желающих нет? (Молчание). Тогда разрешите поблагодарить докладчика за интересное сообщение. Мне кажется, что демонстрация машины была... э... весьма убедительной.

Перпетуум мобиле (Памфлет)

*Метакибернетикам, серьезно думающим,
что то, о чем они думают, – серьезно.*

Ложка немного задержится, – сказал электронный секретарь, – я только что получил информацию.

Это было очень удобное изобретение: каждый человек именовался предметом, изображение которого носил на груди, что избавляло собеседников от необходимости помнить, как его зовут. Больше того: люди старались выбрать имя, соответствующее своей профессии или наклонностям, поэтому вы всегда заранее знали, с кем имеете дело.

Скальпель глубоко вздохнул.

– Опять придется проторчать тут не меньше тридцати минут! Мне еще сегодня предстоит посмотреть эту новую электронную балеринку, от которой все сходят с ума.

– Электролетту? – спросил Магнитофон. – Она действительно очаровательна! Я думаю посвятить ей свою новую поэму.

– Очень электродинамична, – подтвердил Кровать, – настоящий триггерный темперамент! Сейчас она – кумир молодежи. Все девушки красят кожу под ее пластмассу и рисуют на спине конденсаторы.

– Правда, что Рюмка сделал ей предложение? – поинтересовался Скальпель.

– Весь город только об этом я говорит. Она решительно отвергла его ухаживание. Заявила, что ее как машину устраивает муж только с высокоразвитым интеллектом. Разве вы не читали об этой шутке в «Машинном Юморе»?

– Я ничего не читаю. Мой кибер делает периодические обзоры самых смешных анекдотов, но в последнее время это меня начало утомлять. Я совершенно измотался. Представьте себе: две операции за полгода.

– Не может быть! – изумился Кровать. – Как же вы выдерживаете такую нагрузку? Сколько у вас электронных помощников?

– Два, но оба никуда не годятся. На прошлой операции один из них вошел в генераторный режим и скис, а я, как назло, забыл дома электронную память и никак не мог вспомнить, с какой стороны у человека находится аппендицис. Пришлось делать три разреза. При этом, естественно, я не мог учесть, что никто не следит за пульсом.

– И что же?

– Летальный исход. Обычная история при неисправной аппаратуре.

– Эти машины становятся просто невыносимыми, – томно вздохнул Магнитофон, откидывая назад спинку кресла. – Я был вынужден забраковать три варианта своей новой поэмы. Кибер последнее время перестал понимать специфику моего таланта.

– Ложка входит в зал заседаний, – доложил секретарь. Взоры членов Совета обратились к двери. Председатель бодрой походкой прошел на свое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.